45 9/7
Автограф

45 9/7

E xxxv 8/60

ОФИЦЕРСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Очеркъ изъ исторіи военнаго дѣла въ Россіи).

А. В. Мышлаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

ОФИЦЕРСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Очеркъ изъ исторіи военнаго дѣла въ Россіи).

А. З. Мышлаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1899 г.

1481 NV
28-1-1929
М
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

I.

Къ началу XVII вѣка организаціонные порядки въ вооруженныхъ силахъ Московскаго государства начали требовать усовершенствованія, чтобы стать въ уровень съ общимъ ростомъ государственнаго организма. Первыя попытки этого рода относятся къ царствованію Іоанна IV. Время Бориса Годунова, по соображеніямъ династическимъ, дало вопросу дальнѣйшее движеніе. Наступившая затѣмъ эпоха «смутнаго времени» нѣсколько пріостановила его разрѣшеніе. Въ это время царская власть была слаба, государственные финансы расшатаны, сдерживающее вліяніе духовенства усилилось, а все иноземное, не русское, возбуждало ненависть. «Невѣрніи языцы... отъ праваго пути отступиша и св. крещенія и апостольскаго ученія не пріяша, не вслѣдъ чюждыхъ боговъ поидоша..., того ради и до днесь яко во тьмѣ невѣдѣнія ходятъ», такъ поучалось въ сознаніи своего превосходства наше юношество въ 1634 году [1]).

Но время брало свое. Несмотря на убаюкивающія фразы о нашемъ яко бы превосходствѣ надъ «невѣрними языками», рядомъ съ пробужденіемъ въ народной массѣ самосознанія и высокимъ подъемомъ патріотизма, потребность обновленія стала чувствоваться настойчивѣе. Крѣпкій заказъ, «чтобы торговые и иные никакіе люди въ Кіевѣ и иныхъ порубежныхъ городахъ никакихъ книгъ литовскія печати не покупали» [2]), болѣе не помогалъ. Чрезъ широко раскрытую въ теченіе всей «смуты» государственную границу, вмѣстѣ

---

[1]) Послѣсловіе къ первому букварю Бурцева 1634 г. (П. Пекарскій. «Наука и литература», I, стр. 168).

[2]) Изъ отписки Торопецкаго воеводы 1628 г. («Акты Московскаго государства», I, № 201).

со всякою ересью и повшествами, невольно проникала и ересь военная. Русскимъ людямъ для защиты родины нерѣдко приходилось, «стравяся» (соединясь) съ наемными шведами, бить литовскихъ людей, видѣть, какъ шведы «пѣшіе поидоша напередъ, отыкався копіями, а конныя стапа назади ихъ» [1]), замѣчать иныя организаціонныя формы, иные тактическіе пріемы дѣйствій и иныя основанія войскового управленія.

Многое въ этихъ наблюденіяхъ не соотвѣтствовало нашимъ понятіямъ, но сама потребность преобразованія сдѣлалась до очевидности неизбѣжною. Вслѣдствіе этого первый Царь изъ дома Романовыхъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, ставитъ дѣло на широкихъ, небывалыхъ въ предъидущей практикѣ основаніяхъ [2]). Опытъ оказывается неудачнымъ. Попытка основательно поучиться у наемныхъ иноземцевъ не приноситъ ожидаемой пользы, а полная финансовая неурядица заставляетъ поспѣшить ликвидаціею предпріятія съ наемными иноземными полками [3]). Происходитъ новая задержка, но снова только на время. Жизнь, назрѣвшія политическія задачи, желаніе занять подобающее мѣсто среди другихъ государствъ, а главное— все болѣе и болѣе увеличивающееся число точекъ соприкосновенія съ западомъ [4]) производятъ свое воздѣйствіе. Обновленіе арміи охватываетъ ее новою, на сей разъ незадерживаемою волною. Полезность мѣропріятій признается уже не одними лишь лучшими людьми, вродѣ Ордина-Нащокина и Ртищева, но и толпою. Изъ ея среды, рядомъ съ одряхлѣвшимъ афоризмомъ «не вѣруй инородникамъ», раздается крикъ, что сила государства зависитъ «отъ строевъ военныхъ», которые требуютъ у насъ улучшенія, что военное искусство зависитъ не отъ одной лишь «природы» (происхожденія), но и отъ развитія и образованія [5]). Съ высоты трона въ 1647 году «бодропаснымъ разсмотрительствомъ» самого царя санкціонируется появленіе въ печати книги, въ которой, съ точки зрѣнія господство-

---

[1]) «Лѣтопись о многихъ мятежахъ», изд. 1788 г., стр. 167 и 168.

[2]) Имѣется въ виду призывъ иноземцевъ предъ Смоленскимъ походомъ 1632 г.

[3]) Соборъ 28-го января 7142 (1634) года. (Кн. Разрядныя, II, столб. 618).

[4]) За время съ 1632 по 1653 годъ, т. е. отъ осады Смоленска до первой польской войны нами было принято 75 посольствъ, посланниковъ и гонцовъ и отправлено 26 посольствъ и гонцовъ (выборка изъ «Повсядневныхъ дворцовыхъ времени Царей и в. к. Михайла Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича записокъ», ч. I и II, изд. 1769 г.).

[5]) П. Безсоновъ. «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Рукопись временъ Царя Алексѣя Михайловича (приложеніе къ «Русской бесѣдѣ» за 1859 г.); раздѣлъ «о силѣ государства», гл. 3 и 4.

вавшихъ ранѣе взглядовъ, проповѣдуется едва ли не еретическая мысль, что «ратная премудрость, опричь богословія, паче и превыше всѣхъ инныхъ премудростей» [1]).

Соединенныя усилія правительства и наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ современнаго общества приводятъ къ тому, что въ 1661 году посѣтившій Россію наблюдательный иноземецъ не безъ тревоги заноситъ въ свои записки, что цари стремятся только къ одному: чтобы всѣ знанія русскихъ заключались «въ полномъ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и *въ умѣньи побѣждать въ битвахъ*» [2]). Рѣшительнымъ шагомъ къ достиженію этого «умѣнья» послужило соборное дѣяніе объ отставкѣ отеческихъ случаевъ 1681 года [3]). Этимъ актомъ былъ разрушенъ послѣдній щитъ, прикрывавшій старую косность, мѣстничество, а вмѣстѣ съ тѣмъ было расчищено болѣе широкое русло для потока реформъ. До какой степени интересовалось послѣдними современное общество, видно изъ забытаго факта что ко времени появленія на исторической сценѣ Петра Великаго раздавались даже голоса, что *въ XVII вѣкѣ «народъ россійскій... паче о бранѣхъ, неже о книгахъ, паче объ обученіи воинскомъ, неже обученіи школьномъ, тщаніе имѣяше»* [4]):

Такова общая схема движенія военнаго дѣла въ XVII в., далеко отъ неподвижности и затхлаго спокойствія стоячей воды. Историческія событія отодвинули эти дѣянія на задній планъ. Полная энергіи, разрушенія и созиданія дѣятельность Петра I заслонила собою болѣе скромную работу его предшественниковъ. Малочисленность и трудодоступность памятниковъ до-реформеннаго времени содѣйствовали тому же, а сказанія современниковъ-очевидцевъ наложили на то время отпечатокъ какой-то татарско-византійской инертности. Оно и понятно: «языкъ нашъ», говоритъ одинъ изъ передовыхъ людей времени Царя Алексѣя Михайловича, «есть пребѣденъ и ко всему неспособенъ; исторіи и всякихъ давнинъ мы ссьмо не свѣдомы; никакихъ политичныхъ похвальныхъ разговоровъ чинить не можемъ; для ради тѣхъ причинъ народы насъ въ безцѣніи держятъ». [5]).

---

[1]) «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» въ изд. 1647 г. стр. 2.

[2]) «Путешествіе въ Московію барона Майерберга», изд. 1874 г., стр. 111.

[3]) «Древняя россійская Вивліофика», XVII, стр. 423—425.

[4]) Предисловіе къ латинскому лексикону Максимовича, изд. 1724 г. (П. Пекарскій. «Наука и литература», I, стр. 193).

[5]) П. Безсоновъ. «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», изд. 1859 г. стр. 20.

Но, по мѣрѣ того, какъ историческая наука начинаетъ относиться къ XVII вѣку съ болѣе пристальнымъ вниманіемъ, значеніе этого вѣка, какъ «предтечи» эпохи реформъ, выясняется съ полною убѣдительностью. Нѣтъ той крупной мѣры Великаго Царя, рѣшеніе которой не было бы такъ или иначе подготовлено его предшественниками. Скажемъ больше, правильное пониманіе внутренняго смысла мѣръ Царя, ихъ исторической необходимости и логики достигается только послѣ предварительнаго, болѣе или менѣе, всесторонняго изученія соотвѣтствующихъ отраслей военнаго дѣла въ предъидущее время. Въ этомъ случаѣ многое, кажущееся позаимствованнымъ съ Запада, является въ дѣйствительности старо-русскою формою, лишь прикрытою иноземческою номенклатурою. Другія мѣры, которыя мы приписываемъ творчеству геніальнаго преобразователя, оказываются примѣненными въ зачаточномъ видѣ его предшественниками; наконецъ, тотъ хаосъ, лихорадочная порывистость дѣйствій, которыя знаменуютъ первые годы преобразованія нашихъ вооруженныхъ силъ, въ частностяхъ своихъ представляются болѣе спокойными, систематичными и прочно связанными съ старою дѣйствительностью.

Какъ извѣстно, одною изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ реформѣ Петра Великаго являются его мѣры въ области офицерскаго вопроса. Введенная имъ во второе десятилѣтіе XVIII вѣка система чинопроизводства поражаетъ своею законченностью и тѣми, отчасти не утерявшими практическаго значенія и въ настоящее время, основаніями, которыя были положены въ сложный вопросъ послѣдовательнаго продвиганія достойныхъ офицеровъ вверхъ по іерархической лѣстницѣ чиновъ. Этимъ мѣрамъ въ свою очередь предшествовалъ періодъ чрезвычайной запутанности и произвола въ производствахъ, особенно въ первые годы Сѣверной войны.

Но и запутанность съ произволомъ, и геніальная система не были, и не могли быть, исключительнымъ твореніемъ дѣятелей начала XVIII вѣка. Утвержденіе подобной мысли было бы повтореніемъ старой несправедливости къ XVII вѣку, новою попыткою держать его «въ безцѣніи», ибо обѣ стороны петровской реформы были уже подготовлены его предшественниками.

Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью посильно выяснить, что, именно, было сдѣлано этими предшественниками Царя. Для этого мы сперва остановимся на старо-русскихъ чинахъ, затѣмъ посмотримъ, какъ эти чины были постепенно поглощаемы иноземческими рангами и, наконецъ, ознакомимся съ тѣми порядками, которые господствовали при производствахъ въ чины въ концѣ XVII вѣка. Этимъ путемъ

будетъ выясненъ тотъ фундаментъ, на которомъ Петръ Великій сталъ строить зданіе своей геніальной системы чинопроизводства.

II.

Военные чины, въ смыслѣ строевыхъ офицерскихъ должностей-съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей, установились у насъ, подобно западнымъ арміямъ, въ тѣсной зависимости отъ организаціонныхъ формъ. Послѣднія въ двухъ основныхъ категоріяхъ войскъ русскаго строя, т. е. у помѣстной конницы (съ городовыми казаками) и у стрѣльцовъ, до переустройства ихъ на иноземный ладъ, были нѣсколько различны.

Помѣстная конница, въ общей массѣ дѣтей боярскихъ, носила областную организацію, въ которой, къ послѣднимъ годамъ XVI вѣка, замѣчается попытка выдѣлить въ особую групу лицъ, спеціально предпазначенныхъ для «полковой», т. е. полевой службы [1]). Обязанности каждаго помѣстнаго чина по вооруженію и службѣ, а также размѣръ получаемаго денежнаго жалованія и величина помѣстнаго оклада регистрировались въ «десятняхъ» [2]). При всей важности десятенъ, какъ актовъ, способствующихъ изученію службы помѣстныхъ войскъ, нѣтъ основанія связывать съ ними представленіе о какой-либо организаціонной единицѣ. Содержаніе всѣхъ извѣстныхъ десятенъ свидѣтельствуетъ, что онѣ имѣли исключительно значеніе письменныхъ документовъ по общему учету чиновъ извѣстнаго города съ его уѣздомъ [3]).

Несомнѣнною организаціонною единицею для дѣтей боярскихъ была «*сотня*» разной численной силы [4]), состоявшая въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ дѣтей боярскихъ опредѣленнаго города [5]), а въ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ 1594 г. были раздѣлены дѣти боярскіе ряшане (В. Сторожевъ. «Матеріалы для исторіи русскаго дворянства», изд. 1891 г., стр. 361).

[2]) Надъ «десятнями» останавливаются особенно подробно В. Сторожевъ въ «Матеріалахъ для исторіи дворянства» (изд. 1891 г.) и въ «Описи десятенъ XVI и XVII в.», Н. П. Лихачевъ въ изслѣдованіи о «Разрядныхъ дьякахъ» (изд. 1868 г.) и А. Востоковъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1888 г., №№ 6 и 7.

[3]) Одинъ изъ нихъ имѣютъ характеръ «разборныхъ», другія «верстальныхъ» а въ общемъ—десятенъ денежной раздачи (В. Сторожевъ. «Матеріалы для исторіи дворянства», III).

[4]) Сравни, напримѣръ, разрядную запись 14-го іюня 7123 (1615) г. объ указѣ кн. Дм. Мих. Пожарскому съ товарищи (Кн. Разрядная, I, столб. 56 и 57) съ составомъ арміи Царя Алексѣя Михайловича въ 1653 г. («Повсядневныя записки», II, стр. 221—229).

[5]) Постоянный составъ сотенъ, заключавшій въ себѣ дѣтей боярскихъ опредѣленнаго города, видѣнъ, напримѣръ, изъ десятни 7105 года. (В. Сторожевъ. «Матеріалы для исторіи дворянства», стр. 360).

«государевѣ полку» изъ извѣстныхъ группъ придворныхъ чиновъ, т. е. стольниковъ и стряпчихъ, къ которымъ, по службамъ спеціально на Москвѣ, примыкали жильцы и московскіе дворяне [1]).

Были ли въ сотнѣ низшія подраздѣленія, объ этомъ съ достовѣрностью сказать нельзя. Хотя въ актахъ и встрѣчаются термины «подъѣзда», «станицы» и «сторожи», но этимъ выраженіямъ слѣдуетъ придавать смыслъ отдѣльныхъ группъ помѣстныхъ чиновъ, высланныхъ съ опредѣленною тактическою цѣлью, т. е. временнаго формированія, не стоящаго въ связи съ сотнею [2]).

Точно также сомнительно и соединеніе сотенъ въ единицы высшаго порядка. Въ наказѣ князю Долгорукову 1616 года мы встрѣчаемъ, правда, выраженіе объ устройствѣ сотенъ въ полки, но, повидимому, рѣчь идетъ о формированіи временныхъ отрядовъ, сообразно съ боевою обстановкою [3]). Эта догадка тѣмъ болѣе основательна, что указанія о несоединеніи сотенъ въ высшія единицы, даже въ отрядахъ значительной численной силы, соотвѣтствующихъ по боевому назначенію нынѣшнимъ корпусамъ, весьма часты [4]).

Такимъ образомъ въ помѣстной конницѣ, съ большою долею достовѣрности, слѣдуетъ считать за единственно устойчивую единицу «сотню», сохраняющую такое значеніе до девяностыхъ годовъ XVII вѣка, когда организація конницы русскаго строя подверглась иноземному вліянію. Сотнѣ соотвѣтствуетъ и единственно достовѣрный офицерскій чинъ «сотника» или «сотеннаго головы», котораго встрѣчаемъ во главѣ и такихъ случайныхъ формированій, какъ подъѣздъ или станица [5]). Кромѣ сотника, въ современныхъ актахъ упоминается еще званіе «завоеводчика», «эсаула» и «атамана». Но пер-

---

[1]) Составъ и организацію государева полка смотри, напримѣръ, въ записи о встрѣчѣ цесарскихъ пословъ въ 7169 (1661) году. («Древн. рос. Вивліофика», ч. VIII, стр. 150—158).

[2]) См. статью П. Бѣляева. «О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго Государства» въ Чтеніяхъ Имп. общ. ист. и древностей 1846 г., № 4.

[3]) «Распрося языковъ и пытавъ крѣпко, тотчасъ разобраться имъ съ люди и, *расписавъ ратныхъ людей въ сотни и устроя въ полки*, и въ обозъ пѣшихъ людей съ вогненнымъ боемъ, идти въ Рославльскій уѣздъ на литовскихъ людей» (Кн Разрядныя, I, столб. 160)..

[4]) Составъ арміи кн. Черкасскаго съ товарищи въ 1679 г. (Кн. Разрядныя, ч. II, столбцы 1092—1095, 1216—1218, 1301—1304); составъ арміи во время похода къ Азову въ 1696 г. (В. Рубанъ, изд. 1773 г., стр. 1—56).

[5]) «А учините надъ сторожами надъ тремасты человѣки приговорили двѣ головы дѣтей боярскихъ добрыхъ, да изъ нихъ выбрати пятидесятниковъ четырехъ человѣкъ и десятниковъ во всѣ десятки». (Боярскій приговоръ 18-го февраля 7079 г.; примѣч. 31 къ «Сторожевой, станичной и полевой службѣ», П Бѣляева).

вый изъ нихъ, какъ кажется, означалъ нынѣшняго «личнаго адъютанта» [1]), а атаманы и эсаулы составляли принадлежность городовыхъ казаковъ; судя по окладамъ денежнаго и помѣстнаго жалованья, они были высшимъ слоемъ казаковъ [2]), несшимъ извѣстныя административныя и строевыя обязанности; однако, и во главѣ казаковъ мы нерѣдко видимъ тѣхъ же сотниковъ изъ дѣтей боярскихъ [3]).

Болѣе подвижности и законченности замѣчается въ организаціи стрѣльцовъ, устройство которыхъ на протяженіи XVII вѣка подверглось нѣсколькимъ видоизмѣненіямъ. Первоначальный штатъ стрѣльцовъ устанавливался подъ вліяніемъ соображеній военно-административныхъ и потребностей «городовой» службы. Сообразно съ этимъ, въ каждомъ городѣ, при которомъ устраивались слободы, стрѣльцы «прибирались» въ разномъ числѣ [4]).

Съ восшествіемъ на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича, вѣдавшій стрѣльцовъ Стрѣлецкій Приказъ подвелъ общіе имъ итоги, составилъ росписи и установилъ, какъ постоянную организаціонную единицу, «приказъ», имѣвшій отдѣльное хозяйство и строевое управленіе. Соотвѣтствующій по своему значенію нынѣшнему полку, «приказъ» состоялъ изъ 500 человѣкъ и подраздѣлялся на пять сотенъ [5]). Во главѣ приказа поставленъ былъ «голова», именемъ котораго называлась и войсковая часть (напримѣръ, «стрѣльцы приказу Максимова» [6]). Сотнею, подобно помѣстной конницѣ, управлялъ сотникъ или сотенный голова, дававшій, въ свою очередь, имя сотнѣ (напримѣръ, «приказа Дурова Борисова сотня Угрюмова», или «Ондреева сотня Ртищева», или «Курдюкова сотня Ѳтырева») [7]). Сотня подраздѣлялась на части, во главѣ которыхъ были поставлены пятидесятники и десятники [8]). Изъ этихъ чиновъ пятидесятникъ

---

[1]) Съ завоеводчиками встрѣчаемся, напримѣръ, въ арміи 1696 г. (В. Рубанъ «Походъ Шеина къ Азову», изд. 1773 г., стр. 16—25); тогда же упоминаются и «эсаулы»; (тамъ же, стр. 25) значеніе этого званія намъ не ясно.

[2]) В. Сторожевъ. «Матеріалы для исторіи русскаго дворянства», изд. 1891 г. стр. 179.

[3]) Тамъ же, стр. 305, 307, 308.

[4]) Такъ, напримѣръ, въ 1618 году по боярскому приговору велѣно вновь прибрать стрѣльцовъ: въ Кашинѣ—50 чел., въ Муромѣ—100 чел., во Владимірѣ—200 чел., въ Ярославлѣ и на Вологдѣ—100 чел. и т. п. (Кн. Разрядныя, I, столб. 515, 536 и 581).

[5]) Кн. Разрядныя, I, столб. 581, 642, 1111, 1117, 1122, 1124.

[6]) Тамъ же, столб. 1111.

[7]) Книга наградъ 1605 г. за осадное сидѣніе въ Новѣгородкѣ (Акты Моск. Госуд., I, № 42).

[8]) Воронежскіе акты, ч. I, № 47; Акты Моск. Госуд., I, № 42).

былъ помощникомъ сотника и, повидимому, соотвѣтствовалъ позднѣйшему чину поручика; что же касается десятника, то, какъ кажется, это былъ начальствующій чинъ изъ рядовыхъ стрѣльцовъ [1]).

Такимъ образомъ, ко времени Михаила Ѳеодоровича организація частей и лѣстница военныхъ чиновъ у стрѣльцовъ, сравнительно съ помѣстною конницею, пошла нѣсколько далѣе и, съ точки зрѣнія практическихъ требованій, была болѣе закончена.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, подъ вліяніемъ нарождавшихся паралельно со стрѣльцами полковъ иноземнаго строя, внесло въ устройство стрѣлецкихъ частей дальнѣйшія усовершенствованія. Общая сила каждой изъ нихъ была увеличена съ 500 до 1,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 10 сотенъ [2]), а старое названіе «приказа» стало нерѣдко замѣнятся словомъ «полкъ», которому впервые придается вполнѣ опредѣленное значеніе отдѣльной строевой части [3]). Сообразно съ этимъ, названіе «головы» приказа начинаетъ замѣняться словомъ «полковникъ», а въ іерархію стрѣлецкихъ чиновъ вводится званіе «полуголовы» или «пятисотеннаго головы» [4]), являющееся синонимомъ нынѣшняго штабъ-офицера, не командующаго частью. Въ организаціи сотни въ это время никакихъ перемѣнъ не произошло.

Высшее управленіе въ отрядахъ изъ разныхъ категорій войскъ сосредоточивалось въ началѣ XVII вѣка въ рукахъ воеводъ, начальствовавшихъ отрядами — «полками» (большимъ, правой и лѣвой руки, передовымъ, сторожевымъ и прибылымъ) или же состоявшихъ у этихъ воеводъ въ «товарищахъ». Воеводы были разнаго служебнаго положенія, которое обусловливалось не столько личными заслугами, сколько мѣстническими счетами. Одинъ изъ историковъ (Татищевъ) дѣлаетъ попытку провести паралель между воеводами разныхъ сте-

---

[1]) П. Бѣляевъ въ своемъ изслѣдованіи «О русскомъ войскѣ» (изд. 1846 г., стр. 80), основываясь на томъ, что сотники стрѣлецкіе замѣщались чинами «изъ лучшихъ фамилій», а пятидесятники изъ стрѣльцовъ, относитъ пятидесятниковъ къ нижнимъ чинамъ. Приводимая въ этомъ случаѣ ссылка П. Бѣляева на окладную книгу 1681 г. (Акты археогр. экспед., IV, № 250) не подкрѣпляетъ этотъ выводъ. На стр. 117-й своего труда, П. Бѣляевъ, по этому вопросу самъ себѣ противорѣчитъ.

[2]) Книга записная похода кн. Черкасскаго 1678—1679 г. (Кн. Разрядныя, II, столб. 1,050 и послѣд.). Изъ свѣдѣній книги видно, что «приказъ»—полкъ въ это время не всегда состоялъ изъ 1,000 чел. и 10 сотенъ и что встрѣчаются еще пятисотенные приказы (напримѣръ, Московскій приказъ бѣлгородскихъ стрѣльцовъ).

[3]) Тамъ же.

[4]) «И Намъ бы, Великому Государю,... *полуголовые* стрѣлецкіе... предъ Св. Христовымъ Евангеліемъ вѣру учинили...» (Грамота Царя Ѳеодора Алексѣевича 1677 г. въ Актахъ археогр. экспедиціи, IV, № 209).

пеней и установить извѣстное соотношеніе ихъ къ нынѣшнимъ генеральскимъ рангамъ [1]). На этой попыткѣ мы останавливаться не будемъ, такъ какъ она не аргументирована, достаточно произвольна и не соображена съ обычнымъ въ то время явленіемъ, съ «отеческими случаями» [2]). Правильнѣе поэтому званію воеводы придавать значеніе высшаго войсковаго начальника, служебное положеніе котораго въ данномъ отрядѣ зависѣло исключительно отъ счетовъ съ прочими воеводами.

Итакъ, въ войскахъ русскаго строя самостоятельнымъ путемъ выработалась вполнѣ опредѣленная градація нижеслѣдующихъ чиновъ: а) воеводы разныхъ степеней, или начальники значительныхъ отрядовъ; б) полковникъ, или голова «приказа» — начальникъ отдѣльной административной единицы у стрѣльцовъ; в) полуголова, пятисотенный — помощникъ полковника у стрѣльцовъ; г) сотникъ (сотенный голова) — начальникъ тактической единицы, соотвѣтствующей ротѣ, и д) пятидесятникъ у стрѣльцовъ — помощникъ сотника.

Просматривая эту систему чиновъ, замѣтимъ въ ней двѣ характерныя особенности: во-первыхъ, за исключеніемъ званія воеводы, которое являлось общимъ терминомъ, а потому пріурочивалось и къ административнымъ должностямъ, всѣ прочія званія были исключительно *строевыми*, а во-вторыхъ, каждому званію соотвѣтствовала вполнѣ опредѣленная строевая обязанность, вытекавшая изъ сущности организаціи войскъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ старорусская система офицерскихъ должностей представляетъ весьма поучительный образчикъ умѣреннаго, строго соображеннаго съ дѣйствительными потребностями, нагроможденія въ войскахъ начальственнаго элемента. Въ помѣстной конницѣ замѣчается даже нѣчто обратное: нежеланіе, по неизвѣстной причинѣ, соединять сотни въ единицы высшаго порядка, приводитъ къ тому, что чинъ полковника, признанный необходимымъ для стрѣльцовъ, тамъ остается не введеннымъ.

Переходя къ изученію тѣхъ требованій, которымъ долженъ былъ

---

[1]) Древняя рос. Вивліофика, XX. «Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ», стр. 219. По Татищеву, дворовый воевода — генералиссимусъ, первый воевода большого полка — фельдмаршалъ, второй воевода большого полка и первые воеводы правой и лѣвой руки — полные генералы, третій воевода большого, вторые правой и лѣвой руки и первые воеводы сторожевого и передового полковъ — генералъ-лейтенанты.

[2]) Исключительно мѣстническое значеніе воеводъ разныхъ степеней ясно опредѣляется разрядною записью 7128 (1620) г. 30-го марта (Кн. Разрядныя, I, столб. 675).

удовлетворять каждый «начальный человѣкъ», отмѣтимъ, что спеціальныхъ законоположеній по этому предмету не было [1]), а указанія служебныхъ актовъ того времени, главнымъ образомъ «наказовъ» и разрядныхъ записей, отличаются большою неясностью. Сводя, однако, показанія разныхъ свидѣтельствъ, возможно придти къ заключенію, что «начальныій человѣкъ» того или иного служебнаго положенія, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ располагать слѣдующими качествами.

Какъ представитель государевой власти, каждый «начальный человѣкъ» долженъ былъ обладать *нравственнымъ авторитетомъ* для охраненія «государевой чести» и «службы ратныхъ людей» [2]). Въ частности, онъ долженъ былъ быть способнымъ предупреждать всякую измѣну, какъ и всякій военно-служащій, «никого не грабити и не побивати», никому не чинить «насильства и убытка», ничего «безденежно не имати», заботиться о предупрежденіи побѣговъ и не отпускать никого со службы безъ государева указа [3]).

Присягою 1651 года отъ всякаго «чиновника» требовалось крестное цѣлованіе, что онъ будетъ «Царю прямити и добра хотѣти во всемъ вправду, никакого лиха ему, Государю, не мыслить, съ нѣмецкими и иными людьми биться, не щадя головы своей до смерти, изъ полковъ и изъ посылокъ безъ указа не отъѣзжать и воеводъ не оставлять, по свойству и дружбѣ ни по комъ не покрывать» и. т. п. [4]).

Требованія нравственныхъ качествъ отъ «начальныхъ людей» особенно возрасли съ тѣхъ поръ, какъ стали высказываться взгляды, что «ратному человѣку надобно быти зерцалу учтивости, чести и чювству» [5]), когда войскамъ при торжественной обстановкѣ начали царевымъ словомъ указывать, что «больше сея любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя, и аще кто, воинствуя ...за православную вѣру,... небеснаго царствія и вѣчныхъ благъ сподобится» [6]).

Естественно, что проводить въ жизнь такіе принципы могли только лица, сами располагавшія высокими достоинствами. Было ли это въ дѣйствительности? Точнаго отвѣта дать нельзя; возможно

---

[1]) Кромѣ общихъ указаній Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.
[2]) Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, глава 2 и 3.
[3]) Тамъ же.
[4]) Полн. Собр. Зак., I, № 69.
[5]) «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», изд. 1647 г.» стр. 15.
[6]) Приказъ на смотрѣ 28-го іюня 1653 года (Полн. Собр. Зак., I, № 99).

лишь отмѣтить, что неудовлетворительность нравственная въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, приводила къ отрѣшенію отъ должностей [1]) и что нравственныя требованія, во всякомъ случаѣ, не оставались въ области теоріи и благихъ пожеланій.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторое значеніе могло имѣть требованіе *имущественнаго ценза* отъ начальника. Обезпечивая служебную исправность на войнѣ, матеріальный достатокъ давалъ «начальному человѣку» нѣкоторое превосходство надъ общею массою его подчиненныхъ и населенія. Считаясь съ этимъ соображеніемъ, правительство пріурочило къ нему помѣстную систему, съ ея подраздѣленіями служилыхъ людей «на статьи» по степени имущественнаго достатка и выбирало начальниковъ преимущественно изъ высшихъ статей. Не ограничиваясь этимъ, низшимъ должностнымъ лицамъ, сотникамъ, съ цѣлью лучшаго матеріальнаго ихъ обезпеченія, выдавались иногда постоянные денежные оклады, такъ называемые «сотничьи» [2]).

Мѣстничество, при всѣхъ отрицательныхъ его сторонахъ, въ смыслѣ закрѣпленія за начальникомъ нравственнаго превосходства, также не оставалось безъ вліянія. Признанный своими подчиненными болѣе «родословнымъ», нежели они, начальный человѣкъ, съ этой минуты пріобрѣталъ въ ихъ глазахъ престижъ родового превосходства, который онъ могъ разрушить только личными своими недостатками.

Большою неопредѣленностью отличаются сохранившіяся извѣстія о требованіяхъ спеціально военной подготовки. Встрѣчаемъ, напримѣръ, требованіе, чтобы ратное дѣло было «за обычай» [3]), или чтобы въ начальники назначались тѣ, «кому у какова дѣла быти пригоже» [4]), но въ чемъ, именно, состояла эта искусность ратному

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ воеводѣ на Корогу 9-го января 7152 года (Воронежскіе акты, I, № 14) читаемъ: «были челомъ... казаки и стрѣльцы... на сотника, что имъ... налога большая и разореніе велико...» Приказано произвести сыскъ и если челобитная подтвердится, то *виновному «въ сотникахъ быти не велѣть»*.

[2]) Съ «сотничьимъ» жалованьемъ, въ размѣрѣ 10 руб. встрѣчаемся въ десятняхъ 7105 года. (В. Сторожевъ. «Матер. для ист. дворянства», стр. 360).

[3]) Въ «Царственной книгѣ» (изд. 1769 г., стр. 270 и 271) та же мысль излагается такъ: «своего же Государь полку послалъ дѣтей боярскихъ, *выбравъ искусныхъ ратному обычаю*, а съ ними, раздѣля боярскихъ людей, всякому сыну боярскому по 100 человѣкъ».

[4]) Изъ грамоты воеводѣ Вас. Петр. Морозову во Псковъ 28-го августа 7123 (1615) г.: «а въ осадѣ, гдѣ кому быти, велѣли есмя ихъ росписати тебѣ... и ты бъ велѣлъ имъ быть на нашей службѣ..., а въ осадѣ, кому у какова дѣла быти пригоже, и ты бъ ихъ росписалъ» (Кн. Разрядныя, I, столб. 65).

обычаю и «пригожесть» (соотвѣтствіе) поручаемому дѣлу, объ этомъ теперь трудно составить даже приблизительное понятіе.

Какъ бы, впрочемъ, требованія тактической подготовки точно опредѣлены ни были, они, во всякомъ случаѣ, должны были отходить на второй планъ при соприкосновеніи съ мѣстничествомъ и съ административными распорядками назначеній на должности.

Мѣстническіе счеты родословныхъ людей между собою, а за ними и неродословныхъ, принося, какъ сказано, небольшую пользу, въ смыслѣ авторитетности начальника, неизбѣжно отодвигали значеніе ратнаго обычая на второе мѣсто, создавали обстановку при которой, во имя своеобразной защиты родовой «чести», приходилось отдавать преимущество заурядности и жертвовать даже такою личностью, какъ кн. Дмитрій Пожарскій [1]).

При этихъ условіяхъ талантъ, знанія и опытъ не могли имѣть преобладающаго значенія.

Другимъ обстоятельствомъ, вліявшимъ неблагопріятно на комплектованіе офицерскаго состава въ войскахъ русскаго строя, было господство учрежденнаго еще въ XVI вѣкѣ Главнаго Штаба того времени,—Разряднаго приказа [2]), сохранявшаго нѣкоторое значеніе вплоть до учрежденія въ 1711 году сената [3]). Встрѣчаемъ, правда, случаи передачи права назначенія на должности, не выше сотника, воеводамъ [4]), но подобная передача формулирована въ актахъ недостаточно ясно и была исключеніемъ, которое практиковалось въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, когда послѣдствія смуты недостаточно улеглись.

По мѣрѣ упорядоченія дѣлъ и усиленія центральной власти, роль Разряда возрастаетъ въ исключительныхъ размѣрахъ. По словамъ Котошихина, онъ вѣдалъ военно-служащихъ всякою службою,

---

[1]) Посвятившій мѣстничеству спеціальное изслѣдованіе, А. Зерцинъ («Судьба мѣстничества») приводитъ рядъ мѣстническихъ счетовъ, возникавшихъ при назначеніи на должности. Однимъ изъ наболѣе рѣзкихъ примѣровъ служатъ счеты цѣлой войсковой части въ 1633 году съ Алябьевымъ. Замѣчательно, что челобитье по этому предмету было уважено.

[2]) Основываясь на Никоновской Лѣтописи, Н. П. Лихачевъ («Разрядные дьяки въ XVI вѣкѣ», стр. 31) относитъ учрежденіе Разряднаго приказа къ 1556 г.

[3]) «А въ прошломъ 1711 г. Разряду быть не велѣно, а велѣно быть Сенату» Кн. Разрядныя, I, предисл. стр. IX).

[4]) Напримѣръ, въ указѣ кн. Дм. М. Пожарскому 14-го іюня 7123 (1615 года) читаемъ, что служилыхъ людей онъ долженъ былъ «урядити въ полки» и *устроити по сотнямъ*» (Кн. Разрядныя, I, столб. 56 и 57); въ наказѣ кн. Долгорукову 7124 (1616 года) говорится, что «разобрався», онъ долженъ былъ «росписать людей въ сотни» (Тамъ же, столб. 160).

жалованьемъ и «честью» и всему этому велъ книги [1]). Такая централизація не могла не отразиться вредно на назначеніяхъ и тѣмъ болѣе, что во главѣ Разряда и его отдѣленій стояли дьяки, т. е. лица, оторванныя отъ строевой службы, общее высокое образованіе которыхъ не исключало недостаточности свѣдѣній собственно въ воинномъ дѣлѣ [2]). Точно также мало приносила пользы и колегіальность рѣшенія дѣлъ въ Разрядѣ, ибо «думный разрядный дьякъ имѣлъ возможность оказывать давленіе на государственный порядокъ въ росписяхъ чиновныхъ лицъ и въ служебныхъ назначеніяхъ. При злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ дьяковъ, это вліяніе доходило до рѣзкаго самовольства» [3]). Этотъ выводъ спеціальнаго изслѣдованія о разрядныхъ дьякахъ указываетъ, что система назначеній на должности въ XVII вѣкѣ была построена на весьма шаткомъ основаніи дьячьяго благоусмотрѣнія, произволу котораго не мало способствовалъ сложный порядокъ учета службъ помѣстнаго класса.

Учетъ этотъ состоялъ въ томъ, что по областнымъ «десятнямъ» въ Разрядѣ дьяками составлялся «служилый списокъ» [4]), опредѣлявшій служебныя права и обязанности помѣстнаго чина. Дальнѣйшимъ развитіемъ дѣятельности Разряда по учету службъ было составленіе книгъ боярскихъ и записныхъ, разборныхъ и смотрѣнныхъ списковъ, осаднаго сидѣнья, жилецкихъ, разныхъ городовъ и т. п. [5]). Руководствуясь этими данными, Разрядъ при каждомъ очередномъ нарядѣ войскъ дѣлалъ расписаніе начальныхъ людей, которое вручалъ воеводѣ, назначенному для общаго командованія.

Сложность учета, дававшая широкій просторъ для дьячьяго произвола, въ связи съ мѣстничествомъ, отражалась на уровнѣ военной подготовки начальственнаго элемента въ помѣстныхъ войскахъ крайне неблагопріятно. Къ этому присоединялись еще послѣдствія фискальной системы и общихъ правилъ, установленныхъ для отбыванія помѣстной службы.

Обращенный преимущественно на финансовыя дѣла, контроль

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. СПБ. изд. 1884 г. стр. 98

[2]) Авторъ спеціальнаго трактата о разрядныхъ дьякахъ XVI вѣка, Н. П. Лихачевъ обращаетъ вниманіе (стр. XII, 153 и 549), что дьяки происходили иногда даже изъ княжескихъ родовъ и что въ большинствѣ дьяческихъ родовъ дьяческая служба чередовалась съ военною. Наблюденіе, вѣрное для рода, не исключаетъ иной, общій, характеристики лицъ въ дьяческомъ званіи.

[3]) Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки въ XVI в.», изд. 1888 г. стр. 550.

[4]) Сторожевъ. «Матер. для ист. дворянства», изд. 1891 г., стр. 252.

[5]) Древн. Россійская Вивліофика, IX, стр. 96, 97, 105, 106, 110—114, 116, 270.

центральной власти не допускалъ, чтобы воевода дѣлалъ какіе бы-то ни было расходы изъ царской казны по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого, ему было строго воспрещено безъ царскаго указа производить начальныхъ людей въ слѣдующіе служебные чины, ибо это было связано съ измѣненіемъ денежнаго оклада [1]). Устраняя этимъ путемъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, проявленіе воеводскаго самовластія, непотизма и протекціи, сосредоточивая всѣ эти отрицательныя стороны личныхъ благоусмотрѣній въ стѣнахъ Разряда, московское правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, убивало въ зародышѣ одинъ изъ стимуловъ къ проявленію рвенія,—служебное честолюбіе: сотникъ, какія бы военныя доблести онъ ни проявилъ, не могъ надѣяться, что воевода его замѣтитъ и отличитъ. Служба теряла свой интересъ. Не имѣла она интереса и по другой причинѣ. Какъ извѣстно, помѣстная система приводила къ выставленію ополченій на извѣстный срокъ, послѣ котораго ратные люди возвращались въ свои помѣстья. Вслѣдствіе этого, всѣ назначенія имѣли временный характеръ, были случайнымъ порученіемъ, прекращавшимся съ роспускомъ по домамъ [2]). Должность сотника, головы, полковника поэтому не имѣла значенія чина (ранга) въ современномъ намъ смыслѣ этого слова. Это была временная обязанность, связанная съ тяготами, отъ которой начальный человѣкъ не стыдился, подобно послѣднему сыну боярскому, «отбыть», уклониться и оказаться «въ нѣтѣхъ» [3]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ такого взгляда на строевыя должности было почти полное пренебреженіе ими въ разрядныхъ и другихъ записяхъ, а также при мѣстническихъ счетахъ. Высшій классъ считался преимущественно придворными чинами, боярскими, окольничьихъ, стольниковъ, стряпныхъ, жильцовъ, но не бытностью со-

---

[1]) Чичеринъ. «Областныя учрежденія въ XVII в.», изд. 1856 года, стр. 127 и 289.

[2]) Въ десятнѣ 7105 (1597 г.) по г. Ряжску, напечатанной В. Н. Сторожевымъ («Матер. для исторіи дворянства», стр. 362 и послѣд.), встрѣчаемся какъ бы съ постоянными сотниками—дѣтьми боярскими. Объясняется это тѣмъ, что всѣ рязане, за исключеніемъ выдѣленныхъ въ полковую службу, принадлежали къ городовымъ и ко времени составленія десятни были росписаны по сотнямъ.

[3]) Къ «нѣтямъ» и вообще къ уклоненію отъ службы нельзя относиться съ особою строгостью, и особенно строить на нихъ выводы о качественномъ составѣ помѣстной конницы. Ибо, во-первыхъ, явленія эти были естественнымъ послѣдствіемъ помѣстной системы, а во-вторыхъ, само правительство смотрѣло на возможность не нести службу, какъ на извѣстную льготу и поощреніе. Въ 1680 г. за Чигиринскій, напримѣръ, походъ Государь пожаловалъ раненыхъ, вмѣсто «изъ чину въ чинъ перемѣненія», увольненіемъ отъ посылки на службу (Полн. Собр. Зак., II, № 793).

тенным, напримѣръ, головою [1]). Точно также не были включаемы и въ систему наградъ повышенія въ строевыхъ должностяхъ [2]).

Назначенія въ стрѣлецкія части, производившіяся распоряженіемъ Стрѣлецкаго приказа (но не безъ контроля Разряда) сохраняли такія же особенности съ тѣмъ лишь отличіемъ, что срокъ пребыванія въ должностяхъ былъ продолжительнѣе и длился иногда нѣсколько лѣтъ [3]).

Итакъ, что же далъ старо-русскій способъ разрѣшенія вопроса объ укомплектованіи офицерскаго состава въ арміи? Итоги таковы: 1) мы выработали свою собственную весьма цѣлесообразную лѣстницу исключительно строевыхъ должностей; 2) должности эти замѣщались въ общемъ лучшемъ элементомъ помѣстнаго сословія, что обезпечивало въ большинствѣ случаевъ нравственный авторитетъ начальника [4]), но 3) строевыя должности носили характеръ временнаго порученія, не имѣвшаго въ глазахъ помѣстнаго чина такого же почетнаго значенія, какъ придворная должность, являвшаяся для него дѣйствительнымъ «чиномъ», и 4) назначенія на строевыя должности были сосредоточены въ рукахъ разрядныхъ дьяковъ, мало прикосновенныхъ военному дѣлу и вносившихъ въ него произволъ и извѣстный канцеляризмъ, который обусловливался, главнымъ образомъ, мѣстничествомъ.

Въ этихъ основаніяхъ, подъ напоромъ иноземныхъ вѣяній на рубежѣ XVI и XVII была пробита первая брешь, постепенное расширеніе которой въ концѣ-концовъ привело къ полному крушенію старо-русской іерархіи.

III.

Первыя извѣстія о выѣздѣ къ намъ иноземцевъ относятся къ XV вѣку. Въ особомъ примѣчаніи, по поводу жалованной грамоты, вы-

---

[1]) Отраженіе такого взгляда видимъ въ формѣ присяги того времени, напримѣръ, 1653 г. (Полн. Собр. Зак., I, № 114), установленной для всякихъ чиновъ, кромѣ военныхъ. Точно также званіе сотника не избавляло и отъ обычной тогда «поруки» въ службѣ (Десятня по Ряжску 1597 года въ «Матер. для ист. дворян.», стр. 369, 373, 378, 381, 384, 388).

[2]) Въ этомъ отношеніи нѣкоторый интересъ имѣетъ списокъ службъ кн. Вас. Ив. Шаховского (Древн. Рос. Вивліофика, IX, стр. 384—386).

[3]) Акты историч., V, № 185.

[4]) Не въ этомъ ли скрывается одна изъ причинъ, что помѣстная конница несмотря на всѣ недостатки ея обученія и устройства, была лучшею категоріею войскъ русскаго строя.

данной въ 1450 году вел. кн. Василіемъ Темнымъ Василію Кожѣ. Полевой приводитъ, по даннымъ Карамзина, извѣстіе, что въ 1408 и 1447 гг. было произведено два послѣдовательныхъ вызова въ Россію служилыхъ иноземцевъ, часть которыхъ будто бы участвовала въ Галицкой битвѣ [1]). Достовѣрность этого извѣстія заподозрѣвается, хотя есть другія свидѣтельства, намекающія, что къ сороковымъ годамъ XVI в. на Москвѣ дѣйствительно были «многіе люди иноземцы» [2]). Къ концу столѣтія эти иноземцы начинаютъ играть нѣкоторую роль въ общей массѣ нашихъ войскъ [3]), а къ смутному времени даже раздѣляются на иноземцевъ «стараго» и «новаго» выѣздовъ [4]).

Вліяніе этихъ иноземцевъ на наше военное искусство было ничтожно. Собственная-ли ихъ неподготовленность, поведеніе-ли полковъ Де-ла-Гарди, особенно подъ Клушинымъ въ 1610 году, пли же поучительный въ отрицательномъ отношеніи выводъ о непригодности вообще наемныхъ войскъ, съ ихъ основнымъ принципомъ «кто гроши дастъ, тому и служатъ» [5]), были причиною, но нельзя не замѣтить, что, именно, въ періодъ привлеченія на службу первыхъ иноземцевъ получаетъ дальнѣйшее развитіе чисто русская категорія постоянныхъ стрѣлецкихъ полковъ. Еще болѣе характерно, что не осѣвшіе въ Россіи иноземцы оказывали вліяніе на наше военное дѣло, а наоборотъ, наши порядки поглотили тѣ новшества, съ которыми они къ намъ явились.

Дѣло въ томъ, что почти полная финансовая несостоятельность Московскаго Государства къ началу XVII вѣка заставила, по недостатку денегъ для уплаты ежемѣсячнаго жалованія, примѣнить къ иноземцамъ испытанный способъ надѣленія служилыхъ людей помѣстными окладами, т. е. «устроить ихъ землями, а денегъ не давать» [6]). Иноземцы стали получать помѣстья въ замосковскихъ горо-

---

[1]) Древн. Русская Вивліофика, изд. 1833 г., I, стр. 189—198.

[2]) Въ 1534 г. заболѣвшій въ пути вел. кн. Василій Ивановичъ «нача, ѣдучи, думати съ бояры, чтобы ему въѣхати въ градъ Москву не явно, понеже бо тогда на Москвѣ многіе люди иноземцы и послы» были (Царственная книга, изд. 1796 года, стр. 9).

[3]) Напримѣръ, при Вас. Шуйскомъ князь Ив. Андр. Хованскій, соединясь съ нѣмцами Ивелгора, беретъ Старицу и даетъ бой подъ Бѣлою, но «нѣмцы и француженя почали измѣнять и бѣжать въ Литву» (Лѣтопись о многихъ мятежахъ, изд. 1771 г., стр. 28).

[4]) Составъ войскъ, отправленныхъ съ кн. Пронскимъ въ Дорогобужъ въ 1617 году (Кн. Разрядныя, I, столб. 339).

[5]) Распросныя рѣчи 1614 года (Акты Московскаго Государства, I, № 19).

[6]) И. Бѣляевъ («О русскомъ войскѣ», изд. 1846 г., стр. 2), цитируя изъ Актовъ археогр. экспедиціи (т. III, № 161) грамоту бѣлозерскому воеводѣ Борнякову говоритъ, что раздачею помѣстій Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «старался

дахъ, въ нижегородскихъ уѣздахъ, у г. Бѣлаго, Кашина, Владиміра, Вязьмы, Дорогобужа, на Бѣлоозерѣ и въ другихъ мѣстахъ, составивъ тамъ особую групу «иноземцевъ-помѣщиковъ» [1]). Подобно дѣтямъ боярскимъ и другимъ городовымъ войскамъ, эти иноземцы въ числѣ другихъ пересматривались «разборщиками», состояли на учетѣ по «десятнямъ» и попадали въ служилые списки [2]). Призывались они на службу тѣми же «сборщиками» къ указному сроку по распоряженію Разряда [3]), причемъ одинаковыя условія службы съ прочими помѣстными имѣли послѣдствіемъ, что иноземцы также отъ службы бѣгали, бывали «въ нѣтчикахъ», подвергались уменьшенію помѣстнаго оклада, были биты кнутомъ и сажаемы въ тюрьму, «чтобъ впредь инымъ неповадно было» [4]).

При сихъ условіяхъ трудно было военному искусству, принесенному съ запада, проявиться настолько въ наглядныхъ формахъ, чтобы заставить насъ позаимствовать у нихъ черты, которыя существенно повліяли бы на общее направленіе военнаго дѣла. Кое что, впрочемъ, въ этомъ отношеніи иноземцами было сдѣлано, а именно, въ нашу организацію въ это, именно, время впервые вводится спеціальная, приуроченная къ нимъ, тактическая единица «рота», и устанавливается понятіе о чинахъ «ротмистра», «капитана» и «поручика».

Время введенія въ нашу терминологію слова «рота» опредѣлить трудно, ибо если съ одной стороны въ 1615 и 1617 гг. встрѣчаемся съ иноземцами, расписанными «въ сотни» [5]), то съ другой въ томъ же 1617 году видимъ въ числѣ иноземцевъ, отправленныхъ съ княземъ Дм. Черкасскимъ на Волокъ, роту Гамантона [6]), а въ

привязать ихъ (иноземцевъ) къ Россіи и желалъ въ нихъ видѣть не столько чужеземныхъ наемниковъ, сколько русскихъ». Внутреннія побужденія Царей едва ли уловимыя въ настоящее время, во всякомъ случаѣ не обоснованы на данныхъ современныхъ актовъ. Болѣе просты и ясны финансовыя соображенія, имѣвшія логическимъ послѣдствіемъ примѣненіе къ иноземцамъ помѣстной системы. Идея замѣны денежнаго оклада землею вполнѣ ясно выражена въ напечатанной А. И. Зерцаловымъ «Окладной и расходной росписи денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г.» (см. стр. 26, 27, 28, 34 и другія).

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ попали даже въ городовые казаки. Такъ, въ Кн. Разрядныхъ, т. I, на столб. 835 и 836 подъ 1622 г. встрѣчаемъ «нѣмецъ коширскихъ помѣщиковъ казаковъ» 80 человѣкъ.

[2]) См. въ «Матеріалахъ для ист. двор.» В. Н. Сторожева, стр. 326—329.

[3]) Кн. Разрядныя, I, столб. 13, 18, 102, 103, 835 и 836.

[4]) Наказъ князю Туренину 7124 (1615 года) въ Кн. Разрядныхъ, т. I, столб. 105. Боярскій приговоръ о нѣтчикахъ 1625 года въ Актахъ Моск. Госуд. I, № 125.

[5]) Кн. Разрядныя, т. I, столб. 102 и 367.

[6]) Тамъ же, столб. 449.

1622 въ Тулѣ въ большомъ полку «иноземцевъ стараго выѣзду Михаиловы роты Желиборскаго» [1]), «Петровы роты Гамолтова и кормовыхъ Григорьевы роты Враславскаго» [2]). Сопоставляя эти показанія, слѣдуетъ придти къ заключенію, что къ 20-мъ годамъ XVII вѣка идея ротной организаціи была уже кое-гдѣ вкраплена въ практику жизни и что указаніе «Устава ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ» [3]) о необходимости устраивать войска ротами [4]) оставалось не вполнѣ въ области теоріи. Усвоеніе ротной организаціи было тѣмъ легче, что само слово «рота» являлось отчасти сроднымъ нашему уху [5]).

Вмѣстѣ съ новою организаціонною единицею, ранѣе другихъ прививается чинъ ротмистра [6]), повидимому, не безъ польскаго и литовскаго вліянія [7]).

Чинъ «капитана» встрѣчается со временъ Бориса Годунова [8]), почти одновременно съ чиномъ «ротмистра», но значительно рѣже послѣдняго [9]). Вообще, оба чина означали то же, что и въ настоящее время, т. е. командира отдѣльной роты. Менѣе ясно значеніе поручика; повидимому, это былъ помощникъ и замѣститель капитана или ротмистра.

Общее завѣдываніе иноземцами въ первое время было сосредоточено въ Разрядѣ, при которомъ состоялъ для этого спеціальный

---

[1]) Тамъ же, столб. 835 и 836.

[2]) Акты археогр. экспед., III, № 161.

[3]) «Въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержцевъ въ 1607—1621 годѣхъ» выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Описимомъ Михайловымъ».

[4]) По изд. 1777 года, ч. I, стр. 83.

[5]) «Аще-ли рцпешь мужь мужа, любо отъ себе, любо къ собѣ 3 гривнѣ, а видока два выведешь; или будетъ варягъ или колбягъ, *то на роту*». По объясненію Татищева, слово «рота» въ этой цитатѣ изъ Правды Русской означаетъ присягу («Древняя Россійская Вивліофика», I, стр. 10).

[6]) На пріемѣ Борисомъ Годуновымъ Льва Сапѣги съ товарищи въ сѣняхъ Грановитой палаты стояли уже «ротмистры литовскіе и нѣмецкіе, и поручики». («Лѣтопись о многихъ мятежахъ», стр. 61).

[7]) Не безполезно отмѣтить, что первые ротмистры, судя по фамиліямъ, были литовскаго или польскаго происхожденія, напримѣръ, Желиборскій, Любомирскій, Враславскій, Мишевскій, Кулаковскій, Рыльскій и др.

[8]) Въ этомъ чинѣ состоялъ извѣстный Маржеретъ.

[9]) Въ 1615 г. съ кн. Дм. М. Пожарскимъ было послано противъ Лисовскаго «аглинскихъ и шкоцкихъ нѣмецъ съ *ротмистромъ* Шавомъ 11 чел.», а съ княземъ Мих. Барятинскимъ «указалъ государь... быти выѣзжему аглинскія земли князю Ортемью Астону, а съ нимъ иноземцомъ бѣльскихъ нѣмецъ *съ капитаны* 130 чел., да кормовыхъ иноземцовъ 254 чел.». (Кн. Разрядныя, I, столб. 48 и 96—98).

«Панскій приказъ» [1]). Право на чинъ опредѣлялось, впрочемъ, не Разрядомъ, а Посольскимъ приказомъ, заключавшимъ съ иноземцами договоры при вступленіи ихъ на службу [2]). Дальнѣйшаго чинопроизводства не было, такъ какъ сама иноземческая организація не шла далѣе роты, а, слѣдовательно, не могло быть и высшихъ должностей.

Итакъ, первые иноземцы сдѣлали не многое, ибо рота—та же сотня, лишь по иному названная, а капитанъ или ротмистръ по кругу своихъ обязанностей почти не отличается отъ сотника. Вліяніе иноземцевъ сказалось въ иномъ: въ помѣстной категоріи населенія является небольшой слой такихъ же помѣщиковъ, но въ самомъ нетребовательномъ смыслѣ «неродословныхъ». Эти homo novus'ы въ своихъ правахъ и обязанностяхъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣтей боярскихъ; сословному составу помѣстныхъ войскъ, слѣдовательно, наносится ударъ со стороны наболѣе по тогдашнимъ понятіямъ низменной, со стороны «невѣрныхъ языковъ». Рядомъ съ придворнымъ чиномъ стольника или стряпчаго сталъ фигурировать какой-то ротмистръ или капитанъ, но не въ смыслѣ временной служебной должности, подобно сотнику, а какъ дѣйствительный чинъ, опредѣлявшій общественное положеніе даннаго лица.

Верхи военнаго сословія, слѣдовательно, отчасти демократизируются, рядомъ съ придворною іерархіею нарождается какая-то іерархія спеціально военная, а въ окончательномъ итогѣ общественная мысль пріучивается ко введенію въ арміи новыхъ, иноземныхъ порядковъ.

Опытъ этого рода въ широкихъ размѣрахъ былъ сдѣланъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ предъ Смоленскимъ походомъ 1632—1634 гг. Надъ обстоятельствами, сопровождавшими въ это время формированіе полковъ иноземнаго строя, мы нѣсколько остановимся, такъ какъ указаніями, вынесенными изъ практики этихъ формированій, мы, несомнѣнно, воспользовались при болѣе удачныхъ начинаніяхъ послѣдующаго царствованія.

---

[1]) Въ наказѣ кн. Бор. Мих. Лыкову 1614 г. читаемъ, что со стольникомъ Ив. Измайловымъ «указалъ государь быти литвѣ и нѣмцамъ, и всякимъ иноземцамъ, которыхъ *вѣдаютъ въ Разрядѣ и въ Панскомъ приказѣ*». Измайлову былъ по обычаю данъ списокъ иноземцевъ за дьячьею припиской. (Кн. Разрядныя, I столб. 13 и 14).

[2]) Въ Архивѣ главнаго штаба въ общемъ его отдѣленіи разысканъ рядъ столбцовъ XVII вѣка (начиная съ 1610 г.) съ перепискою о выѣздѣ въ Россію иноземцевъ. Столбцы значатся по четыремъ реестрамъ, на которые ниже и будутъ дѣлаться ссылки. Одно изъ дѣлопроизводствъ, а именно, о выѣздѣ въ Россію Франца Лефорта, напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1898 г.

Однимъ изъ первыхъ указовъ, касающихся устройства полковъ иноземнаго строя, является Государева грамота 1630 года на Кострому о высылкѣ въ Москву дѣтей боярскихъ для обученія ихъ ратному дѣлу у нѣмецкихъ полковниковъ Александра Лесли и Пецнера [1]). Изъ грамоты видно, что для укомплектованія двухъ тысячныхъ полковъ, кромѣ помѣстныхъ и кормовыхъ иноземцевъ стараго и новаго выѣздовъ, были привлечены годные къ службѣ безпомѣстные дѣти боярскіе. Всѣмъ имъ обѣщано «дати по 5 рублей человѣку для бѣдности», отпускать кормовыя деньги, а впослѣдствіи, «какъ испомѣстятъ и похочетъ кто изъ нихъ служити съ городомъ и мы (царь) ихъ пожалуемъ, велимъ служить съ городомъ по прежнему». Привлечены были, слѣдовательно, элементы, хотя и принадлежавшіе къ помѣстному классу населенія, но экономически несостоятельные, безъ опредѣленнаго срока службы и съ правомъ возвратиться къ службѣ на старыхъ основаніяхъ.

Кромѣ Костромы, такія же грамоты были разосланы по другимъ городамъ и сопровождались исполнительными дѣйствіями воеводъ [2]). Для объединенія работы по привлеченію людей въ новые полки служилъ такъ называемый «приказъ сбора ратныхъ людей» [3]), являвшійся или прототипомъ, или составною частью Иноземнаго приказа (учрежденнаго въ 1628 году), куда были переданы изъ Разряда всѣ дѣла объ иноземцахъ [4]).

Въ результатѣ этихъ формированій во время похода къ Смоленску встрѣчаемся съ шестью пѣхотными и однимъ рейтарскимъ полками и съ четырьмя ротами поляковъ и литвы [5]).

Непосредственная польза, принесенная новыми полками во время осадныхъ дѣйствій у Смоленска, была не велика, а недостатокъ денегъ и административная неурядица отразились на столько тяжело на состояніи войскъ, что поневолѣ пришлось пріостановить дальнѣйшіе опыты и даже обратиться къ мѣрамъ, которыя освободили

---

[1]) Акты Моск. госуд., I, № 267.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ же актахъ (т. I, № 276) встрѣчаемся съ отпискою 12-го іюля 1630 года новгородскихъ воеводъ о высылкѣ въ Москву безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ для ученья ратному строю.

[3]) Арх. гл. штаба, по реестру II дѣло № 18.

[4]) Опредѣлить отношеніе «приказа сбора ратныхъ людей» къ Иноземному приказу не удалось. Быть можетъ это было одно и то же учрежденіе, но лишь извѣстное подъ разными названіями.

[5]) Кн. Разрядныя, II, столб. 386—388. Сверхъ того, изъ дѣла о посылкѣ въ Англію Юрьева полку Матейсона поручика Якуба Флека и прапорщика Якуба Гиба (Арх. глав. штаба, по реестру II дѣло № 15) видно, что въ 1633 году формировался также и драгунскій полкъ.

бы насъ отъ иноземцевъ. На первыхъ же порахъ встрѣчены были разныя препятствія въ устройствѣ продовольственной части. Несмотря на принятыя мѣры [1]), «голодъ и нужда великая» чувствовались уже въ Вязьмѣ [2]). Подъ Смоленскомъ дѣло пошло еще хуже; начались побѣги и полки стали таять [3]). Къ этому присоединились затрудненія въ выдачѣ денежнаго жалованья. Пришлось по недостатку наличныхъ суммъ ввести на время особые налоги [4]), но взносы поступали медленно, а расходы предстояли прямо громадные [5]). Начали брать деньги тамъ, гдѣ ихъ находили, въ Разрядѣ, Иноземскомъ и Стрѣлецкомъ приказахъ, въ Приказѣ Большой казны, но и это не помогало. Поставленный въ критическое положеніе, воевода бояринъ Шеинъ, для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ такому исключительному средству, какъ заемъ денегъ у тѣхъ же иноземцевъ-офицеровъ [6]). Ко всему этому присоединялась крайняя требовательность иноземцевъ, сомнительная ихъ надежность и весьма своеобразные взгляды на военный долгъ [7]).

По всѣмъ этимъ причинамъ тотчасъ же по окончаніи Смоленскихъ походовъ дальнѣйшія формированія полковъ были прекращены, наличные распущены, а оставшіеся въ Россіи иноземцы поверстаны помѣстными окладами, со всѣми вытекавшими изъ этого верстанія послѣдствіями, относительно порядка отбыванія военной службы [8]).

---

[1]) Акты Моск. госуд., I, № 375.

[2]) Тамъ же, № 376.

[3]) Тамъ же, № 451. Бѣжавшіе большею частью приставали къ казачьему отряду Болаша, который дѣйствовалъ на сообщеніяхъ Смоленска.

[4]) Кн. Разрядныя, II, столб. 483—487, 619—626.

[5]) Изъ памяти Иноземнаго приказа въ Разрядъ 9-го августа 1633 года (Акты Моск. госуд., I, № 553) видно, что годовое содержаніе 6610 чел. иноземныхъ полковъ обходилось почти 129,000 рублей. На нынѣшнія деньги это составитъ примѣрно 1.800,000 руб. (Ключевскій. «Русскій рубль въ XVI—XVIII в.» въ «Чтен. Имп. общ. ист. и древн.» 1884 г., кн. I, стр. 72).

[6]) Въ октябрѣ 1633 года, какъ видно изъ отписки Шеина въ Разрядъ (Акты Моск. госуд., I, № 574), имъ было взято въ займы 11,350 руб., въ томъ числѣ у Леслп—4 тыс., полк. Кита—600 руб., полк. Матейсона—1,400 руб., подполковника Вердула—1,200 руб., маіора Стей—500 руб. и т. п.

[7]) Для характеристики иноземцевъ, вызванныхъ въ Россію Александромъ Леслп, можно привести такіе факты: при распросѣ въ январѣ 1633 года иноземцевъ въ Разрядѣ выяснилось, что нѣкоторые изъ ихъ товарищей, попавъ въ плѣнъ къ полякамъ, спокойно писались у противника въ службу. Не менѣе интересны показанія «выѣзжаго нѣмчина» англичанина Ричарда Стивенса; онъ пять разъ перемѣнялъ службу, въ томъ числѣ два раза служилъ Швеціи и три раза Россіи (Акты Моск. госуд., I, №№ 472 и 477).

[8]) Воронежскіе акты, т. I, стр. 40 и 41; Кн. Разрядныя, II, столб. 638, 757, 763—780, 837, 899, 906.

Несмотря на участь, постигшую эти полки, опытъ 1630—1634 годовъ составилъ эпоху въ устройствѣ русскихъ войскъ. Въ частности по отношенію къ офицерскому вопросу онъ ввелъ въ армію такія начала, которыя въ корнѣ потрясли старыя основы и дозволили впослѣдствіи Царю Алексѣю Михайловичу повторить попытку своего предшественника съ надеждою на большій успѣхъ. Вкратцѣ значеніе формированій 1630—1634 годовъ выразилось въ слѣдующемъ:

1) Въ организаціи русскихъ войскъ, независимо отъ стрѣлецкаго полка, появляется иной полкъ, подраздѣленный на роты.

2) Въ этомъ полку, по образцу западно-европейскому, вводятся слѣдующіе чины: 1) полковникъ, 2) большой полковой поручикъ, т. е. подполковникъ, 3) маіоръ, 4) капитанъ (ротмистръ), 5) поручикъ и 6) прапорщикъ [1]). Устанавливалась, слѣдовательно, новая іерархія, ничѣмъ не связанная съ чинами войскъ русскаго строя.

3) Иноземному чину соотвѣтствуетъ строго опредѣленная строевая должность. Какъ именно были понимаемы обязанности каждаго чина, объ этомъ даетъ понятіе «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», появившееся нѣсколько позже (въ 1647 г.) и формулировавшее взгляды, которые были усвоены отъ иноземцевъ [2]).

По уставу 1647 года «урядники» въ полку раздѣляются на три статьи: высокіе чины (т. е. штабъ-офицеры); къ нимъ принадлежатъ: полковникъ, полковой поручикъ (подполковникъ) и полковой сторожеставецъ (маіоръ) [3]); далѣе идутъ средніе чины—оберъ-офицеры: капитанъ, поручикъ и прапорщикъ; послѣднюю групу составляютъ нижніе чины [4]). Обязанности ихъ видны изъ слѣдующихъ, напримѣръ, опредѣленій: капитанъ, т. е. «капиртъ» [5]), глава, онъ всѣмъ владѣетъ, онъ полный начальникъ своей роты, вполнѣ самостоятельно распоряжающійся въ ней, а, слѣдовательно, за все и отвѣчающій. Поручикъ—помощникъ капитана; въ отсутствіе послѣдняго замѣщаетъ его; онъ имѣетъ роспись солдатъ, распредѣляетъ ихъ

---

[1]) Акты Моск. госуд., I, №№ 470 и 471. См. свѣдѣнія о составѣ полковъ Александра Лесли, Якова Шарла, Лица Индрика Фукса и Томаса Сандерсона.

[2]) По сопоставленіямъ изслѣдователей «Ученье и хитрость» было переводомъ сочиненія о военномъ искусствѣ Вальгаузена 1620 года. Русскіе военные историки на этотъ памятникъ тѣмъ не менѣе обязаны смотрѣть какъ на *уставъ*, ибо объ этомъ вполнѣ опредѣленно говоритъ Петръ Великій въ указѣ 30-го марта 1720 года.

[3]) Сверхъ того, къ высокимъ чинамъ уставъ присоединяетъ полкового становщика (квартирмейстера), судію (аудитора) и другихъ.

[4]) «Ученіе и хитрость» въ современномъ изданіи, ч. VI, кн. I, стр. 124.

[5]) Испорченное латинское caput, голова.

по капральствамъ, употребляетъ въ дѣло, смотря по способностямъ каждаго, и ведетъ обученіе. Прапорщикъ — несетъ ротное знамя, печалуется о солдатахъ и имъ «смѣльства наговариваетъ». На этихъ трехъ чинахъ, какъ на устояхъ, зиждется прочность роты: «и та рота гораздо устроена, когда капитанъ печется о своихъ солдатахъ, а поручикъ мудръ и разуменъ, а прапорщикъ веселъ и смѣлъ» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти опредѣленія—сколокъ съ западно-европейскихъ уставовъ. Они для насъ важны, именно, въ томъ отношеніи, что въ лѣстницу военныхъ чиновъ окончательно вносятся новыя начала порядка, «регулярства», системы, и что эти начала не разрушаютъ старо-русскаго принципа соотвѣтствія извѣстнаго военнаго чина опредѣленной, исключительно строевой должности. Разница лишь въ томъ, что для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, чиновъ кругъ обязанностей въ общихъ чертахъ уже изложенъ въ видѣ печатнаго закона или правила и что іерархія военная вполнѣ приспособлена къ новой организаціи.

4) Выше было отмѣчено, то значеніе, какое имѣло испомѣщеніе первыхъ иноземцевъ, капитановъ, ротмистровъ и поручиковъ, на рубежѣ XVI и XVII. Мы отмѣтили, что этотъ ничтожный самъ по себѣ фактъ, въ смыслѣ вліянія на сословные и мѣстническіе взгляды, долженъ былъ произвести извѣстное вліяніе на чисто русскую придворную аристократическую іерархію.

Формированія 1632—1634 года въ этомъ отношеніи были слѣдующимъ шагомъ, начинаніемъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ, не въ одномъ лишь количественномъ отношеніи и даже не въ смыслѣ увеличенія числа помѣстныхъ иноземцевъ. Тамъ, во времена Бориса Годунова и позже, какой нибудь «капитанъ Гамолтовъ», командовавшій ротою, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ тѣхъ же «нѣмецъ», кормовыхъ или помѣстныхъ иноземцевъ; онъ не могъ дерзать стать въ начальственное положеніе среди русскихъ помѣстныхъ людей. Теперь, въ 1632 году, дѣло ставится на иныхъ основаніяхъ: подъ команду иноземца поступаетъ «сынъ боярскій», правда, не испомѣщенный, захудалый, которому «для бѣдности» дается денежное вспомоществованіе, но все-таки принадлежащей къ классу, которому открытъ доступъ къ высшимъ ступенямъ придворнаго чиновничества. Мы, видимъ, слѣдовательно, что демократизація офицерскаго чина, пока въ спеціально-иноземческой групѣ войскъ, дѣлаетъ слѣдующій, рѣшительный шагъ впередъ. Въ этой групѣ чинъ

---

[1]) «Ученье и хитрость», ч. I, стр. 34.

опираетъ родословность, становится выше ея и этимъ подготовляетъ почву для полнаго торжества новыхъ вѣяній.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ формированіяхъ 1632 года выдвигаются иныя спеціально-военныя требованія для офицерскаго чина. Требуется точно опредѣленная «мудрость» и «доброискусность», а не общая фраза, преклоняющаяся предъ родовымъ происхожденіемъ и мѣстническими счетами.

6) Наконецъ, послѣднее наблюденіе тѣсно связано съ попыткою правительства устроить полки иноземнаго строя исключительно изъ русскихъ людей. Для этого, одновременно съ иноземцами, въ полки былъ назначенъ второй комплектъ офицеровъ въ рангахъ полковниковъ (4 чел.), подполковниковъ (4 чел.), маіоровъ (4 чел.), квартермистровъ (2 чел.), капитановъ (17 чел.), поручиковъ (32 чел.) и прапорщиковъ (33 чел.) [1]). Это—первый опытъ назначенія русскаго человѣка въ иноземческій чинъ. Практическая польза опыта была ничтожна, но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Сынъ боярскій сталъ привыкать носить иное званіе, съ болѣе опредѣленными служебными обязанностями и находиться, и на сей разъ не «по бѣдности», подъ командою начальника-иноземца.

Послѣ роспуска полковъ, собранныхъ подъ Смоленскомъ, къ содѣйствію ихъ пришлось прибѣгнуть въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ 1637 году Азовъ былъ захваченъ донскими казаками и правительство стало лицомъ къ лицу съ вопросомъ о войнѣ съ Турціею. Насталъ періодъ колебаній, въ теченіе котораго приходилось въ украинныхъ городахъ выставлять значительные оборонительные отряды. При формированіи ихъ воспользовались «кормовыми драгунами и солдатами иноземнаго списка» 1632—1634 гг. и всѣмъ запасомъ полковниковъ, подполковниковъ, маіоровъ и другихъ иноземцевъ, не оставившихъ Россію. Характерная особенность этихъ формированій, особенно замѣтная для 1639 года, состояла въ томъ, что правительство собирало и распускало иноземцевъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и помѣстную конницу [2]).

---

[1]) Акты Моск. госуд., №№ 470 и 471.

[2]) Напримѣръ, въ іюнѣ 1639 г. чревъ Приказъ сбора ратныхъ людей (бывшій въ управленіи боярина Ив. Петр. Шереметева) посылаются на Тулу въ полкъ кн. Дм. Мамстрюковича Черкасскаго полк. Александръ Крафертъ съ 2,000 солдатъ и 1,000 драгунъ, на Веневу въ полкъ къ кн. Вас. Ромадановскому—полк. Валентинъ Росформъ съ 4,000 солдатъ и драгунъ; въ Переяславль — подполк. Як. Вымсъ съ 2,586 солдатъ и въ Одоевъ—маіоръ Лаврентій Скрымзеръ съ 817 чел. При нихъ послано: съ Крафертомъ—подполк.—1, маіоръ—3, кап.—10, поруч.—15; съ Росформомъ—подполк.—1, маіоръ—1, кап.—15, поруч.—18, прапорщ.—18; съ Вымсомъ—

Болѣе устойчивое отношеніе къ полкамъ иноземнаго строя выработалось послѣ собора 3-го января 1642 года (рѣшавшемъ вопросъ о войнѣ съ Турціею), на которомъ высказаны были мнѣнія о необходимости «прибрать на Москвѣ и въ городахъ ратныхъ людей стрѣльцовъ и солдатъ, сколько Государь укажетъ» [1]). Надо полагать, не безъ вліянія этого собора состоялось формированіе въ томъ же году двухъ московскихъ выборныхъ полковъ [2]), чѣмъ окончательно разрѣшился планъ учрежденія новыхъ частей.

Надъ дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа такихъ полковъ, ихъ раздѣленіемъ на пѣшіе солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе, особенностями дислокаціи, обученія и отправленія службы мы останавливаться не будемъ, такъ какъ эти данныя разсматриваемой нами темы не касаются. Отмѣтимъ лишь, что послѣдующее, за 1642 годомъ, время, въ отношеніи собственно офицерскаго вопроса, имѣло значеніе окончательнаго практическаго закрѣпленія тѣхъ началъ, которыя были установлены въ 1632—1634 годахъ. Точно также мало новаго внесли формированія 1642 и послѣдующихъ годовъ и въ полковую іерархію. По описи чиновъ 1662 года въ Бутырскомъ солдатскомъ полку, напримѣръ, видимъ только одинъ новый чинъ, — капитана-поручика [3]). Что касается конныхъ полковъ, то тамъ замѣчается единственная разница, а именно: драгунскому капитану соотвѣтствуетъ рейтарскій ротмистръ [4]).

Увеличеніе числа полковъ иноземнаго строя имѣло иное послѣдствіе [5]). Явилась необходимость для объединенія управленія нѣсколькими частями въ однѣхъ рукахъ установить генеральскіе чины также по образцу иноземному. Прослѣдить, когда, именно, какой чинъ былъ у насъ введенъ возможно не иначе, какъ произведя

маіоръ—1, кап.—10, поруч.—10, прапорщ.—13; съ Скрымзеромъ—кап. 2, поруч.—3, прапорщ.—3. Сверхъ того, команда въ 408 чел. съ 2 капит. и 2 поруч. была послана въ Крапивну (Арх. гл. шт., по реестру II, дѣло № 18).

[1]) «Собр. госуд. грамотъ и договоровъ», изд. 1882 г., т. III, № 113.

[2]) П. О. Бобровскій. «Исторія Л.-гр. Ерпанскаго полка», т. I, стр. 4.

[3]) Тамъ же, т. I, прилож. I.

[4]) Составъ арміи кн. Черкасскаго въ 1679 г. (Кн. Разрядныя, II, столб. 1092—1095, 1216—1218). Проѣзжая грамота ротмистру ф. Бонентейму (Арх. гл. штаба, по реестру II, д. № 12).

[5]) Устряловъ («Ист. царств. Петра-Вел.» т. II, стр. 106), основываясь на перечневой росписи 7189 г. Архива старыхъ дѣлъ, сообщаетъ, что при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ было 38 солд. и 25 рейт. полковъ. Вѣдомость эта напечатана П. Ивановымъ въ «Описаніи государственнаго Разряднаго архива» (изд. 1842 г., стр. 71—92). Изъ нея видно, что подсчетъ Устрялова не вѣренъ; было наряжено 48 солд. и 26 копейн. и рейт. полковъ.

сложное разслѣдованіе, которое въ исторію вопроса внесетъ только точную хронологическую датту, по существу дѣла не интересную. Поэтому, не задаваясь этою сизифовою работою, замѣтимъ, что къ 70-мъ годамъ XVIII столѣтія несомнѣнно были введены три генеральскіе чина: генералъ-маіора [1]), генералъ-поручика [2]) и генерала [3]). Въ эти чины, подобно прочимъ, были назначаемы и русскіе люди.

IV.

Къ послѣдней четверти XVII вѣка одна часть реформы была закончена: лѣстница иноземческихъ военныхъ ранговъ окончательно установилась. Чтобы выяснить дальнѣйшее направленіе преобразованія, бросимъ взглядъ на устройство къ тому же времени значительныхъ отрядовъ.

Унаслѣдованное отъ XVI вѣка раздѣленіе арміи на «полки» большой, правой и лѣвой руки, сторожевой и прибылой, съ ихъ счетами старшинствомъ, было отчасти поколеблено тревогами смутнаго времени, когда приходилось формировать отряды спѣшно, не придерживаясь мѣстническаго этикета [4]). Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича практичность этой мѣры была усвоена [5]), но лишь отчасти: при ежегодныхъ нарядахъ на «береговую» службу для охраненія украйны отъ татарскихъ набѣговъ по прежнему выставлялись старые «полки». Тогда же выдвинуто было и понятіе о «Разрядѣ», какъ объ организаціонной единицѣ высшаго порядка, въ которую прежніе «полки» большой, прибылой и другіе входятъ составными частями [6]). Періодъ съ 1620 г. по 1660 г. (при-

---

[1]) Напримѣръ, въ 1656 г. въ этомъ чинѣ былъ Лесли (Арх. гл. шт., по реестру II, д. № 22); въ 1676 г.—Филиппъ ф. Буковинъ (тамъ же, д. № 49).

[2]) Въ 1678 г.—Матвѣй Кровковъ, Ульфъ, Косаговъ (Кн. Разрядныя, II, 1046—1070), въ 1681 г.—Афанасій Троурнихтъ (П. Ивановъ. «Опис. Разряди. архива» стр. 79).

[3]) Въ 1676 г. — ген. Шепелевъ (Древн. Рос. Вивліофика, XX, стр. 149), въ 1678 г.—Змеевъ, Кровковъ (Кн. Разрядныя, II, столб. 1046 и послѣд.).

[4]) См., напримѣръ, разрядную запись 14-го іюня 7123 (1615) г. о составѣ войскъ кн. Дм. Мих. Пожарскаго (Кн. Разрядныя, I, столб. 48—51).

[5]) Разрядныя записи 7139—7142 (1631—1634) гг. о походѣ къ Смоленску М. Б Шеина (Кн. Разрядныя, II, столб. 385—390).

[6]) Понятіе о «Разрядѣ», какъ о корпусѣ войскъ, имѣющемъ опредѣленную стратегическую задачу, встрѣчаемъ уже въ первой четверти XVII вѣка. Такъ, въ разрядной записи 7123 (1615) г. упоминается «Украинскій разрядъ», назначенный для охраненія южной границы государства, который составили большой полкъ въ Тулѣ, передовой—въ Мценскѣ и сторожевой—въ Новосили (Кн. Разрядныя, I, столб. 35).

мѣрно) былъ временемъ, когда въ организаціи высшихъ соединеній замѣчается какая то неустойчивость: встрѣчается и старое дѣленіе и новѣйшіе отряды [1]). Съ теченіемъ времени старые «полки» постепенно уступаютъ мѣсто новымъ соединеніямъ и окончательно устанавливается понятіе о «Разрядѣ», какъ о корпусѣ войскъ извѣстнаго территоріальнаго раіона, имѣющемъ опредѣленную стратегическую задачу и подраздѣляющемся на нѣсколько отрядовъ. Отмѣченное видоизмѣненіе имѣло большое практическое значеніе, такъ какъ сфера мѣстническихъ счетовъ была съужена, а при формированіи отрядовъ можно было съ большимъ вниманіемъ отнестись къ стратегической части всякой операціи.

Въ какія, именно, формы окончательно вылилась организація дѣйствующей арміи во второй половинѣ XVII вѣка, даетъ понятіе нижеслѣдующая таблица состава арміи князя Черкасскаго 1679 г., выставленной на южной украинѣ, непосредственно послѣ Чигиринскихъ походовъ и за два года до уничтоженія мѣстничества [2]).

Армія князя Черкасскаго въ 1679 году.

	Помѣстн. кон.	Кон. иноз. строя.	Солдаты.	Стрѣльцы.	Казаки (черкасскіе и слободскіе).
А. *Большой полкъ* (князя Черкасскаго).					
1) Полкъ князя Черкасскаго . .	4,940	4,187 (2 пол. +1 ком.)	10,206 (ген. Шепелева и Кровкова)	1,020	—
2) Полкъ князя Хованскаго . .	492	2,204	—	1,846	—
3) » » Барятинскаго. .	?	1,332	—	?	—
Б. *Новгородскій разрядъ* (князя Хованскаго).	1,252	3,848	3,169	2,500	—
В. *Казанскій разрядъ* (князя Долгорукова).					
1) Полкъ князя Долгорукова . .	1,291	6,529	—	4,535	—
2) » » Козловскаго . .	50	1,703	—	732	—

---

[1]) Напримѣръ, въ нарядѣ 1622 г. встрѣчаемъ «Украинскій разрядъ» съ большимъ полкомъ въ Тулѣ, а въ 1634 г. въ Можайскъ назначается просто полкъ боярина и воеводы кн. Петра Мамстрюковича Черкасскаго (Древн. Рос. Вивліофика, IX, стр. 24).

[2]) Вѣдомость составлена по даннымъ Кн. Разрядныхъ, II, столб. 1092—1095, 1216—1218 и 1301—1304.

Г. *Рязанскій разрядъ* (Шереметева).					
1) Полкъ Шереметева	1,639	5,043	2,271	4,099	—
2) » » Хитрово	91	5,046	—	?	—
Д. *Бѣлгородскій разрядъ* (Милославскаго).					
1) Полкъ Милославскаго	854	9,692	6,052	754	—
2) » Косагова	93	1,982	666	—	9,069
Е. *Отдѣльные отряды.*					
1) Князя Барятинскаго (на чертѣ).	218	168	1,126	1,524	—
2) Апухтина (на Валуйкѣ). . . .	—	1,172	—	—	3,544

Изъ этой таблицы, являющейся общею сводкою распоряженій Разряднаго приказа, вынужденнаго считаться съ двойственною организаціею войсковыхъ частей, по иноземному и русскому образцу, видно, что, сравнительно съ началомъ столѣтія, въ устройствѣ арміи мы сдѣлали шагъ впередъ. Армія оказывается распредѣленною на слѣдующія войсковыя групы, находящіяся въ опредѣленныхъ іерархическихъ соотношеніяхъ: а) *армія*, дѣйствующая по извѣстному стратегическому заданію; б) *разрядъ* — корпусъ, формируемый въ извѣстномъ территоріальномъ раіонѣ; понятію о разрядѣ соотвѣтствуетъ также и «большой полкъ», но съ тѣмъ отличіемъ, что онъ находится подъ непосредственною командою главнаго воеводы и составленъ изъ войскъ, собранныхъ со всей территоріи государства и московскаго гарнизона; в) *полкъ воеводы «такого то»* — соединеніе нѣсколькихъ родовъ и категорій войскъ, напоминающее позднѣйшее понятіе о дивизіи, и г) *полкъ* (въ иноземномъ строѣ) или *приказъ* (у стрѣльцовъ)—строевая и административная единица. Внѣ полковой организаціи стоитъ одна помѣстная конница, подчиненная непосредственно воеводѣ.

Числительность соединеній выше полка не одинакова и зависитъ отъ военныхъ соображеній, удобствъ сосредоточенія, а быть можетъ и мѣстническихъ счетовъ между воеводами [1]).

При всей стройности и сравнительной законченности организаціи арміи князя Черкасскаго, въ ней нельзя не замѣтить и большихъ несовершенствъ, которыя должны были вредно отзываться

---

[1]) Считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе, что армію князя Черкасскаго мы разсматриваемъ исключительно въ той мѣрѣ, насколько это нужно для нашего вопроса, и не касаясь другихъ сторонъ, напримѣръ, комплектованія, мобилизаціи, тактики, сосредоточенія и т. п.

на боевомъ употребленіи войскъ; сюда относятся: 1) невозможность выдвинуть въ голову арміи генераловъ и 2) двойственность устройства низшихъ соединеній.

Подъ вліяніемъ спеціальной іерархіи, выработанной въ XVI вѣкѣ, наличные генералы (напримѣръ, Шепелевъ, Кровковъ, Змеевъ) занимали подчиненное положеніе завѣдующихъ солдатскими полками. Въ своемъ рангѣ они не могли мечтать сдѣлаться самостоятельными начальниками большихъ отрядовъ, не пройдя сначала всю лѣстницу придворныхъ чиновъ, по меньшей мѣрѣ до чина окольничаго. Для нихъ, т. е. для лицъ наиболѣе совершенно подготовленныхъ по западно-европейскимъ образцамъ, было закрыто дальнѣйшее движеніе впередъ, а правительство и армія не могли извлечь изъ ихъ свѣдѣній всю сумму пользы. Теряли обѣ стороны.

Двойственность устройства помѣстной конницы со стрѣльцами, съ одной стороны, и полковъ иноземнаго строя съ другой, также была невыгодна. Она не только затрудняла служебныя передвиженія начальныхъ людей изъ одной групы войскъ въ другую, но, помимо этой, такъ сказать, внѣшней разницы, создавала и внутреннее противорѣчіе: являлись двѣ организаціи, двѣ тактики, двѣ разныя системы обученія, два разныхъ способа боеваго употребленія частей арміи. Это нужно было также сгладить.

Изъ сказаннаго видно, что дальнѣйшее направленіе преобразованія опредѣлялось само собою. Начато было съ болѣе легкаго—со стрѣльцовъ.

Удобство состояло въ томъ, что общая масса стрѣльцовъ происходила изъ низшихъ классовъ населенія, для которыхъ главный тормазъ—мѣстничество, не существовалъ. Приходилось считаться только съ начальными людьми, но и тѣ были отчасти подготовлены: въ чинахъ подполковниковъ, маіоровъ, капитановъ и прочихъ русскіе люди уже привыкли фигурировать въ солдатскихъ полкахъ. Поэтому, мѣропріятіе могло быть проведено простымъ распоряженіемъ правительства, состоявшимся 25-го марта 1680 г., въ видѣ именного указа царя Ѳеодора Алексѣевича, объявленнаго Разрядомъ и записаннаго въ книги Стрѣлецкаго приказа [1]). Въ указѣ читаемъ, что Государь «велѣлъ быть изъ головъ въ полковникахъ, изъ полуголовъ въ полуполковникахъ, изъ сотниковъ въ капитанахъ»; служить имъ «противъ иноземскаго чину, какъ служатъ у гусарскихъ и у рейтарскихъ, и у пѣшихъ полковъ тѣхъ же чиновъ, которыми чинами

---

[1]) Полн. Собр. Зак., II, № 812.

пожалованы нынѣ, и впредь прежними чинами не именовать...; а которые упрямствомъ своимъ въ томъ чинѣ быть не похотятъ и станутъ себѣ ставить то въ безчестье, и тѣмъ людямъ отъ Великаго Государя за то быть въ наказаньи и разореньи безъ всякія пощады».

Угроза наказанія и разоренія возымѣла свое дѣйствіе, хотя и не сразу. Приходилось брать въ полковники иногда даже «по неволѣ» и давать спеціальныя обязательства Разряднаго приказа, что «того чину, въ который взятъ, впредь никому въ упрекъ и въ укоризну ставить и тѣмъ никому никогда безчестить не велятъ» [1]). Несмотря на частные случаи нежеланія носить новые чины, мѣра привилась и къ концу столѣтія окончательно у стрѣльцовъ укрѣпилась.

Послѣ этого, для полнаго торжества новой іерархіи оставалось сдѣлать, такъ сказать, послѣдній взмахъ пера, но крайне рѣшительный, ибо онъ связанъ былъ съ уничтоженіемъ мѣстничества. Сперва хотѣли пойти на компромисъ между потребностью ввести закономъ опредѣленную лѣстницу чиновъ, удовлетворяющую новымъ взглядамъ на высшее войсковое управленіе, и мѣстничествомъ. Такую попытку представляетъ проектъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ, составленный при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ [2]). Въ этомъ проектѣ, написанномъ не безъ вліянія византійскихъ источниковъ, проводятся слѣдующія мысли: 1) старшинству въ должности должно отдать предпочтеніе предъ родословностью, что выразить въ мѣстахъ, занимаемыхъ воеводами въ государевой думѣ; 2) всѣ высшія должности слѣдуетъ распредѣлить по степенямъ, образующимъ лѣстницу изъ 34 чиновъ; 3) военные чины отдѣлить отъ административныхъ и 4) каждому чину установить опредѣленный кругъ обязанностей. Въ частности проектомъ намѣчаются слѣдующіе чины: болярин и дворовый воевода

---

[1]) Любопытный примѣръ отношенія къ новымъ чинамъ приводится въ Древней Россійской Вивліофикѣ (XX, Историч. извѣстіе о старинныхъ чинахъ, стр. 235): въ 1683 году полковники Стремянного полка Никита Даниловъ, сынъ Глѣбовъ, и Акинфій Ивановъ, сынъ Даниловъ, подали въ Разрядъ челобитныя, въ которыхъ заявили, что они взяты въ полковники по неволѣ, а потому просятъ, чтобы «нынѣшняя полковничья служба имъ и дѣтямъ ихъ, и сродникамъ была не въ упрекъ и не въ укоризну, а съ ровною братьею не въ случай». Разрядъ внялъ этому заявленію.

[2]) Напечатавшій этотъ проектъ, К. М. Оболенскій полагаетъ, что проектъ составленъ послѣ уничтоженія мѣстничества. Основаніе къ такому сужденію издатель видитъ въ указаніи устава, что въ царской думѣ бояре *должны сидѣть* по старшинству должностей, а не по родословнымъ счетамъ. Намъ представляется выводъ этотъ прямо противорѣчащимъ факту уничтоженія мѣстничества, если бы таковое предшествовало изданію устава.

или «севастократоръ», несущій обязанности начальника генеральнаго штаба и подчиненный непосредственно особѣ царя; боляринъ надъ пѣхотою (позднѣйшій генералъ отъ инфантеріи); боляринъ надъ конною ратію (генералъ отъ кавалеріи); боляре и воеводы Разрядовъ Сѣверскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, Смоленскаго, Рязанскаго и Тамбовскаго, т. е. командующіе войсками въ соотвѣтствующихъ военныхъ округахъ; боляринъ и оружейничій—начальникъ артилеріи, онъ же завѣдующій артилерійскимъ снабженіемъ (позднѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ); наконецъ, боляринъ и воевода Бѣлгородскаго полку, т. е. командиръ отдѣльнаго корпуса войскъ, выставляемаго на южной границѣ противъ татаръ.

Перечисленный перечень должностей, указывающій на значительный прогресъ во взглядахъ на вопросы устройства полевого управленія, несмотря на всю его цѣлесообразность, грѣшилъ во многихъ отношеніяхъ. Оторванный отъ старо-русской системы чиновъ, онъ не былъ приспособленъ и къ иностранной іерархіи, уже введенной въ войскахъ иноземнаго строя. Новая лѣстница чиновъ, пріуроченная къ строго опредѣленнымъ должностямъ, не допускала никакихъ иныхъ расчлененій арміи, кромѣ намѣченныхъ проектомъ, и въ то же время не разрѣшала вопросъ объ инстанціяхъ, среднихъ между полковникомъ и воеводою въ Разрядѣ. Взамѣнъ мѣстничества «по породѣ» она вводила, какъ принципъ, мѣстничество по должности. Наконецъ, проектъ вовсе не касался весьма интереснаго вопроса, какъ ввести новую организацію и иноземные чины въ массу помѣстной конницы, т. е. въ единственную категорію войскъ, которой новыя вѣянія пока не коснулись.

Какъ и всякая полумѣра, проектъ оказался неудачнымъ; въ этомъ—объясненіе, что онъ остался въ области предположеній и не получилъ обязательной силы. Назрѣвшая потребность была удовлетворена инымъ путемъ.

24-го ноября 1682 года, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указалъ боярину князю Вас. Вас. Голицыну съ выборными чинами отъ помѣстныхъ войскъ и полковъ иноземнаго строя, въ виду замѣченныхъ въ предшествующихъ войнахъ «пововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей», разсмотрѣть частный вопросъ, «въ какомъ ратномъ устроеніи быти стольникомъ и стряпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ». Отвѣтъ былъ единственно возможный, а именно, что на нихъ слѣдуетъ распространить иноземческую ротную организацію съ рот-

мистрами и поручиками [1]). Приступили къ замѣщенію должностей; но тотчасъ же натолкнулись на мѣстничество. Изъ частнаго вопросъ обратился въ общій, для разрѣшенія котораго потребовалось вмѣшательство высшей духовной власти. Въ результатѣ послѣдовавшаго «соборнаго дѣянія» былъ актъ торжественнаго уничтоженія мѣстничества.

Изъ предшествующаго изложенія слѣдуетъ, что «дѣяніе» 1682 года, въ области разсматриваемаго вопроса, имѣло значеніе заключительнаго акта, завершившаго цѣлую серію постепенныхъ мѣропріятій, по пересозданію войсковой организаціи и управленія на иноземный образецъ, и что непосредственно «дѣяніе» касалось только помѣстной конницы и высшихъ, генеральскихъ, чиновъ. Тѣмъ не менѣе значеніе дѣянія 1682 года было громадно: иноземная іерархія окончательно восторжествовала, организація войскъ достигла необходимаго единства, а при замѣщеніи высшихъ должностей правительство получило полную свободу дѣйствій. Генералъ занялъ свое мѣсто. Достигнутымъ успѣхомъ власть воспользовалась, однако, съ бо́льшою осторожностью. Вплоть до Петра Великаго, правительство избѣгаетъ ставить лицо съ иноземческимъ чиномъ во главѣ арміи. Оно по прежнему отдаетъ предпочтеніе воеводѣ, передъ генераломъ, но не считаясь болѣе съ родословностью перваго, и этимъ окончательно подготовляетъ общественную мысль къ шагу, который, до начала преобразованія вооруженныхъ силъ, осуществилъ юный Петръ, выдвинувшій въ 1696 г. въ голову арміи «генералисимуса» Шеина и «генераловъ» Гордона, Головина и Ригимона.

Назначеніе Шеина было заключительною точкою въ лѣтописи постепеннаго, на протяженіи всего XVII вѣка, утвержденія иноземческихъ чиновъ въ вооруженныхъ силахъ Московскаго государства. Благодаря этой постепенности, въ періодъ энергичныхъ реформъ великаго преобразователя ему не пришлось считаться ни со строго аристократическимъ составомъ начальныхъ людей конца XVI вѣка, ни съ противодѣйствіемъ въ области офицерскаго вопроса обветшалыхъ воззрѣній. Всякія задерживающія теченія въ этомъ отношеніи были уже устранены, путь оказался расчищеннымъ и реформа могла быть продолжена съ того, именно, пункта, на которомъ она остановилась при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. II, № 904.

V.

Закончивъ краткій обзоръ послѣдовательной замѣны старо-русской военной іерархіи западно-европейскою, перейдемъ къ разсмотрѣнію порядковъ чинопроизводства въ офицерскихъ иноземческихъ чинахъ [1]).

Сообразно съ двоякимъ составомъ офицеровъ, порядки эти были различны для иноземцевъ и для русскихъ людей.

Производство офицеровъ изъ иноземцевъ установилась подъ вліяніемъ практики, которая отодвинула на задній планъ нравственныя требованія, господствовавшія въ концѣ XVI вѣка при выборѣ русскихъ начальныхъ людей. Взамѣнъ этого выступили впередъ требованія соотвѣтствующей строевой подготовки. Опредѣленіе общаго объема этой подготовки и степени пригодности въ этомъ отношеніи офицера въ первое время поневолѣ пришлось передать въ руки тѣхъ же иноземцевъ. Такъ, при первоначальномъ массовомъ ихъ призывѣ, все это дѣло, какъ видно изъ наказа 25-го января 1631 г., поручено единоличному усмотрѣнію «старшаго полковника и рыцаря» Александра Леслп, отправленнаго въ Швецію къ Густаву Адольфу «для найма охочихъ солдатъ» [2]). Лесли не былъ стѣсненъ опредѣленными требованіями; онъ долженъ былъ нанять, «сколько пригоже и какъ доведется въ ихъ землѣ» для укомплектованія 5,000 человѣкъ. Главное условіе, которымъ былъ связанъ Леслп, состояло въ томъ, чтобы «французанъ и иныхъ, которые римскія, папежскія вѣры, однолично не наймовать» и ограничить срокъ найма годомъ, «а по неволѣ» двумя. Сверхъ того, вступавшіе въ службу должны были обязаться, что «къ недругу государеву, къ польскому королю, не отъѣдутъ».

Такимъ образомъ, вмѣсто собственно военныхъ требованій, въ то время для насъ неясныхъ, правительство обязало «старшаго

---

[1]) Главными источниками для насъ служатъ дѣла Описи 3-й, Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба и столбцы XVII вѣка въ общемъ отдѣленіи Арх. Гл. Штаба. Для изучаемаго вопроса несомнѣнный интересъ имѣютъ раздаточныя книги денежнаго жалованья и мѣсячныхъ кормовъ чинамъ иноземнаго строя, о которыхъ упоминаетъ В. Сторожевъ въ своей «Описи десятенъ XVI и XVII вѣковъ» (стр. 71, 85, 86, 91, 94, 106 и др.). Книги эти хранятся въ архивѣ министерства юстиціи и намъ не знакомы. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе ихъ расширитъ сферу фактическихъ данныхъ, но едва ли существенно повліяетъ на выясненіе *общихъ основаній* производства офицеровъ, выработанныхъ въ XVII вѣкѣ.

[2]) Арх. Гл. Штаба. По реестру I дѣло № 2 на 128 столбцахъ.

полковника» считаться съ условіями частью религіознаго характера, частью соприкасавшимися съ политикою, а отчасти вытекавшими изъ финансовыхъ соображеній.

Предусмотрительность въ послѣднемъ отношеніи была весьма благоразумна. Лесли возложенное на него порученіе исполнилъ блестяще, но во что оно намъ обошлось, объ этомъ даетъ понятіе нижеслѣдующая табличка мѣсячныхъ окладовъ жалованья, составленная по раздаточнымъ книгамъ 1634 года [1]):

	Рейтарскаго полка. Рублей.	Солдатскаго полка. Рублей.
Полковнику	400	250
Подполковнику . . .	133	100
Маіору	150 (?)	50 (?)
Капитану	100	75
Поручику	40	22½
Прапорщику	30	17½

Чтобы эти цифры были болѣе понятны, мы ихъ переведемъ, пользуясь изслѣдованіемъ В. Ключевскаго, на нынѣшній курсъ, считая 1 рубль времени Михаила Ѳеодоровича равнымъ 14-ти теперешнимъ [2]); получимъ слѣдующіе колосальные оклады въ мѣсяцъ:

	Рейтарскаго полка. Рублей.	Солдатскаго полка. Рублей.
Полковникъ . . .	5,600	3,500
Подполковникъ . .	1,862	1,400
Маіоръ	2,100	700
Капитанъ	1,400	1,050
Поручикъ	560	315
Прапорщикъ	420	245

Не удивительно, что порученіе Лесли исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ и что иноземцы вслѣдъ затѣмъ нахлынули къ намъ со всѣхъ сторонъ, подъ вліяніемъ достовѣрныхъ слуховъ, «о неизрѣченной милости» русскихъ государей «къ ихъ братіи служилымъ иностранцамъ» [3]). Но не менѣе естественно и то, что уже въ 1634 г., 17-го іюня, «Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руссіи указалъ нѣмецкихъ полковниковъ и ихъ полковъ нѣмецкихъ

---

[1]) Списокъ военнымъ чинамъ 1634 г. въ Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба (Оп. 3, св. 22, д. № 8).

[2]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей 1884 года, ч. I, Русскій рубль въ XVII и XVIII в., стр. 72.

[3]) Изъ дѣла о выѣздѣ въ Россію Франца Лефорта (напечатало въ «Русской Старинѣ» 1898 г., мартъ, стр. 642).

людей, которые были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ, отпустить съ Москвы въ нѣмецкую землю за море, кто откуда пріѣхалъ»[1]).

Обѣ стороны, однако, были взаимно нужны другъ другу, хотя и по разнымъ побудительнымъ причинамъ. Началась своеобразная борьба между настойчиво стремившимися въ Россію иностранцами[2]) и нашимъ правительствомъ.

Послѣднее прежде всего распорядилось понизить размѣръ денежнаго жалованья до слѣдующихъ умѣренныхъ окладовъ (въ мѣсяцъ):

	Въ конницѣ. Рублей.	Въ пѣхотѣ. Рублей.
Генералъ	120	120
Генералъ-поручикъ .	100	?
Генералъ-маіоръ . . .	90	?
Бригадиръ	45	—
Полковникъ	50—40	50—25
Подполковникъ . . .	18	15
Маіоръ	16	14
Ротмистръ (капитанъ) .	13	11
Капитанъ-поручикъ. .	9	8 р. 3 алт. 2 д.
Поручикъ	8	8 р. 3 алт. 2 д.
Прапорщикъ	7	5 [3])

Не ограничиваясь уменьшеніемъ окладовъ, достигавшимъ для нѣкоторыхъ чиновъ, какъ, напримѣръ, для рейтарскаго полковника, до 10-ти разъ, уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ приняты были спеціальныя мѣры, чтобы за получаемыя деньги иноземецъ приносилъ всю ту пользу, которую изъ него можно извлечь, а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу необходимости, служба должна быть облегчена, пропорціонально съ этимъ долженъ быть уменьшенъ и вы-

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, св. 22, д. № 8, л. 87.

[2]) Прекрасный образчикъ этой настойчивости представляетъ переписка о выѣздѣ въ Россію Франца Лефорта, которую можно было бы дополнить рядомъ другихъ фактовъ изъ дѣлъ «о выѣздахъ», хранящихся въ Арх. Гл. Штаба.

[3]) Таблица составлена по даннымъ за 1696 г. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, кн. 44). Майербергъ (Путешествіе въ Московію, изд. 1874 г., стр. 176 и 177) приводитъ нижеслѣдующія данныя за 1661 годъ, мало отличающіяся отъ помѣщенныхъ выше въ текстѣ:

	Конница. Рублей.	Пѣхота. Рублей.
Полковникъ . . .	40	30
Подполковникъ .	18	15
Маіоръ	16	14
Ротмистръ . . .	13	11
Поручикъ	8	8
Прапорщикъ . .	7	5

даваемый окладъ. Исходя изъ этой мысли, въ 1634 году, одновременно съ массовымъ удаленіемъ наемныхъ офицеровъ за границу, состоялся указъ, согласно котораго денежное жалованье стали выдавать иноземцамъ по тремъ разнымъ окладамъ: полный размѣръ его былъ сохраненъ только для тѣхъ, которые несли дѣйствительную полевую службу во время похода; находившимся въ крѣпостяхъ въ военное время, т. е. несшимъ «городовую службу», приказано выдавать $^2/_3$ оклада; наконецъ, тѣмъ, которые оказывались, по какимъ либо причинамъ, внѣ строевыхъ списковъ, находились, по выраженію того времени, «за полками» или «въ заполошныхъ», назначенъ умѣренный размѣръ денежнаго отпуска исключительно «на прокормъ», въ $^1/_3$ полнаго оклада [1]). При Алексѣѣ Михаиловичѣ, въ 1670 году, это распоряженіе было вновь подтверждено [2]).

Казалось бы, что столь радикальныя мѣры должны были охладить влеченіе иноземцевъ послужить Россіи. Въ дѣйствительности этого не произошло; по наблюденію Майерберга, въ 1661 г. Москва была переполнена «безчисленнымъ ихъ множествомъ» [3]). Состоялись дальнѣйшія ограничительныя мѣропріятія, завершившіяся въ правленіе царевны Софіи полнымъ прекращеніемъ доступа въ Россію иностранцевъ, кромѣ случаевъ особаго царскаго разрѣшенія [4]). Несмотря на это, число осѣвшихъ на Москвѣ иноземцевъ было очень велико; нижеслѣдующая таблица даетъ примѣрное понятіе объ ихъ численности, по чинамъ, къ 1696 году [5]):

	Въ конницѣ.	Въ пѣхотѣ.
Генераловъ	1	1
Генералъ-поручиковъ . . .	1	»
Генералъ-маіоровъ	3	»
Генералъ-бригадировъ . . .	1	»
Полковниковъ	47	77
Подполковниковъ	37	76
Маіоровъ	27	79
Ротмистровъ и капитановъ .	41	130
Капитанъ-поручиковъ . . .	11	5
Поручиковъ	18	140
Прапорщиковъ	44	215
Итого . .	231	723

[1]) Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, св. 22, д. № 8, л. 1—13.
[2]) Тамъ же, л. 31—45.
[3]) Путешествіе въ Московію, изд. 1874 г., стр. 177.
[4]) Устряловъ, II, стр. 111.
[5]) Составлена по даннымъ кн. 44, Оп. 3. Моск. отд. Арх. Гл. Штаба.

Содержаніе этой массы стоило громадныхъ денегъ. По приведеннымъ выше полнымъ окладамъ, ежегодный расходъ на жалованье доходилъ до 120,000—130,000 руб., т. е. по нынѣшней стоимости рубля свыше двухъ милiоновъ. При ограниченномъ бюджетѣ того времени и финансовыхъ затрудненiяхъ, наступившихъ тотчасъ же послѣ формированiй 1632 — 1634 гг., справиться съ этими расходами было чрезвычайно трудно. Задача, разрѣшалась отчасти установленiемъ указанныхъ выше трехъ окладовъ, отчасти, зачисленiемъ иностранныхъ офицеровъ, въ такъ называемые, «кормовщики», которые получали небольшое денежное жалованье и въ добавокъ къ нему продовольствiе натурою [1]). Наконецъ, послѣднюю мѣру составило перечисленiе иноземцевъ въ помѣстный классъ населенiя тотчасъ же послѣ принятiя ими православiя. Такихъ «новокрещеновъ», преимущественно изъ поляковъ и литовцевъ, насчитывается въ 1696 году 455 чел. изъ 794 офицеровъ [2]); «новокрещены» получали жалованье на положенiи русскихъ людей, о чемъ будетъ изложено ниже.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ видно, что созданный чрезмѣрно большими окладами наплывъ иноземцевъ являлся зломъ, съ которымъ приходилось все время считаться. Ограждая себя въ мѣрѣ силъ отъ «пропасти, всегда зiявшей своею ужасною пастью», въ видѣ расходовъ на жалованье [3]), правительство по финансовымъ соображенiямъ должно было установить для иноземцевъ *отдѣльную линiю производства* и сосредоточить это дѣло въ иноземскомъ приказѣ, со всѣми послѣдствiями такого чисто-бюрократическаго разрѣшенiя затрудненiй. Строевой начальникъ мало по-малу отстраняется отъ участiя въ вопросахъ производства. Такъ, Лесли и его полковники въ этомъ отношенiи почти не были стѣснены [4]), въ договорныхъ статьяхъ съ «генералиспмусомъ» Шарломъ Эргардомъ, 1656 г., ему разрѣша-

---

[1]) Напримѣръ, «кормовщикъ» изъ рейтарскихъ полковниковъ вмѣсто 226 р. получалъ 91 р. 8 алт. 2 деньги; изъ солдатскихъ подполковниковъ вмѣсто 180 р. всего 73 р.; изъ капитановъ вмѣсто 133 р.—54 р. 25 алт. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, кн. 44).

[2]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, кн. 44.

[3]) Майербергъ. «Путешествiе въ Московiю», стр. 175.

[4]) Съ нѣкоторыми лишь ограниченiями. Въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. по Оп. 3, св. 22, въ дѣлѣ № 8, на л. 193 встрѣчаемъ челобитье крестьянина Фукса 1634 г. на полковника Самойлу Шарла, что тотъ «отставилъ его подъ Смоленскомъ отъ маiорства безъ государева указа и безъ полкового суда». Заявленiе Фукса было уважено и «ему въ томъ на полковника на Самойла Шарла велѣно дать судъ». Изъ этого видно, что полковники, во всякомъ случаѣ, были лишены права самовольно открывать вакансiи для скорѣйшаго продвиганiя другихъ.

лось уже производить не выше маіора [1]), а въ 1672 году состоялся указъ, чтобы «вновь безъ выбылыхъ мѣстъ и въ вышніе чины съ маіоровъ никого и за службы не переписывать», и въ случаѣ ототкрытія вакансій объ этомъ писать въ Иноземскій приказъ [2]). Съ объявленіемъ этого указа право производить офицеровъ на первый взглядъ какъ бы раздѣляется между строевыми начальниками (въ оберъ-офицерскіе чины) и приказомъ (въ штабъ-офицерскіе и выше, начиная съ подполковника). Въ дѣйствительности это раздѣленіе правъ было фикціею, ибо для иноземца центръ службы лежалъ въ денежномъ окладѣ, послѣдній же могъ выдаваться въ установленномъ размѣрѣ только послѣ того, какъ произведенный заносился въ соотвѣтствующія книги Иноземскаго приказа [3]). Естественно, что полнымъ господиномъ положенія сдѣлался приказъ, къ которому иноземцы стали предпочитать прямо адресоваться со своими челобитьями. Такимъ образомъ, если самый фактъ включенія въ офицерскій составъ иноземныхъ наемниковъ вынуждалъ не проявлять излишнюю строгость въ вопросахъ нравственнаго порядка, то финансовыя соображенія, централизпровавшія все дѣлопроизводство въ рукахъ дьяковъ Иноземскаго приказа, отодвинули на второе мѣсто требованія строевой подготовки. Осталось одно—благоусмотрѣніе дьяка. Послѣдній хотѣлъ имѣть въ рукахъ хоть какой нибудь масштабъ для оцѣнки офицера: онъ начинаетъ требовать «патенты», свидѣтельства о службахъ за границею и «росписи искусству», чтобы убѣдиться, что стремящійся къ намъ иноземецъ, дѣйствительно, имѣетъ право на тотъ или другоій чинъ [4]), но всѣ такія свидѣтельства или принимались на слово отъ заинтересованнаго лица или же фабриковались. Не удивительно, что, по свидѣтельству путешественника-иноземца, въ полковники быстрымъ скачкомъ чрезъ всѣ промежуточныя инстанціи переносились такія лица, которыя за границею едва ползли въ низшихъ чинахъ [5]).

Два основныхъ устоя правильной системы чинопроизводства, нравственный цензъ и военныя знанія, слѣдовательно, не могли

---

[1]) Арх. Гл. Шт. по реестру I, дѣло № 8.

[2]) Память дьякамъ 3-го сентября 1672 г. П. С. З. I, № 529.

[3]) Одну изъ такихъ книгъ представляетъ хранящаяся въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. по Оп. 3, кн. 44, со спискомъ офицеровъ, отмѣтками ихъ старшинства въ чинахъ, размѣровъ получаемаго содержанія и распредѣленія на службу по полкамъ.

[4]) «Договорныя статьи Шарла Эргарда», 1656 года; дѣло о выѣздѣ Франца Лефорта.

[5]) Майербергъ, 182.

быть удовлетворены. Оставался третій устой — старшинство, но и оно также не было соблюдаемо. До 1672 г., повидимому, практиковались даже случаи производства черезъ чинъ; въ этомъ году послѣдовало распоряженіе, чтобы главную массу, т. е. оберъ-офицеровъ, производить не иначе, какъ «изъ чину въ чинъ» [1]). Судя по книгѣ записной Иноземскаго приказа 1696 г., правило это къ концу столѣтія вкоренилось, но за то въ предѣлахъ одного и того же чина въ полной мѣрѣ проявлялось благоусмотрѣніе дьяковъ, которые писали въ высшій чинъ не старшаго, а кого признавали нужнымъ. При сихъ условіяхъ всякое представленіе о соотвѣтствіи и пригодности было утеряно. Начали выдвигаться такія основанія къ производству, которыя въ настоящее время кажутся прямо невѣроятными. Для примѣра приведемъ нѣсколько фактовъ изъ производства. 1696 г.: иноземческій сынъ Ульянъ Шульцъ производится въ прапорщики только «для того, что братъ его родной служилъ въ начальныхъ людяхъ иноземцахъ и въ Азовѣ умре»; такое же основаніе послужило и къ производству Романа Венценгаузена. Новокрещену Никитѣ Гадормскому велѣно быть въ прапорщикахъ «за смерть отца его Якова». Матвѣю и Якову Трейденамъ велѣно быть въ прапорщикахъ только по тому, что они дѣти полковника Трейдена [2]). Ко всему этому присоединялись и ходатайства заинтересованныхъ лицъ, которыя также считали себя въ правѣ просить о награжденіи слѣдующими чинами [3]).

Итакъ, особая линія производства для иноземцевъ была установлена, но въ предѣлахъ этой линіи не было никакой системы; главнымъ соображеніемъ съ 1632 года остается забота не выйти изъ финансовой смѣты. При переполненіи Москвы иноземцами забота объ этомъ приводитъ къ тому, что къ концу XVII в. они производятся почти исключительно на вакансіи умершихъ. Это обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ правилъ объ увольненіи въ отставку (чтобы не загромождать бюджетъ пенсіями), имѣетъ слѣдствіемъ закупорку иноземческихъ производствъ. До какой степени движеніе по службѣ было медленно, лучшимъ показателемъ можетъ служить фактъ, что даже послѣ усиленнаго движенія въ чинахъ, во время Азовскихъ походовъ, мы все еще встрѣчаемся съ иноземцами, со-

---

[1]) Полное Собр. Законовъ, I, № 529.

[2]) Записи о производствахъ съ 16-го октября по 26-е августа 206 г. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.). Оп. 3, кн. 44.

[3]) «Челобитная подполковника фонъ-Дельдина», 1691 г.; дѣло о производствѣ въ поручики прапорщика Андрея Вента (Арх. Гл. Шт. по реестру II, д. № 62 и 70).

стоящими въ чинѣ полковника 36 лѣтъ (одинъ), 28 лѣтъ (одинъ), 22 года (3 чел.), 17 лѣтъ (3 чел.), 16 лѣтъ (4 чел.) и т. п. [1]).

VI.

Перейдемъ теперь *къ производству русскихъ офицеровъ*. Выше мы видѣли, какія затрудненія возникали на почвѣ экономической несостоятельности и административной неурядицы. Эти двѣ исходныя причины заставили распустить полки иноземнаго строя въ 1634 году, онѣ установили службу позднѣйшихъ полковъ того же строя въ видѣ періодическихъ сборовъ и, наконецъ, отразились на системѣ чинопроизводства иноземцевъ. Эти же обстоятельства повліяли и на русскихъ офицеровъ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что число неблагопріятныхъ факторовъ увеличилось: денежныя средства были уже въ значительной мѣрѣ поглощены иноземцами, успѣвшими занять почти всѣ мѣста наиболѣе щедро оплачиваемыхъ штабъ-офицерскихъ должностей [2]). Русскимъ, въ дословномъ смыслѣ, достались остатки и денегъ, и чиновъ.

Финансовыя затрудненія имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ, что для русскихъ офицеровъ пришлось сохранить въ полной неприкосновенности помѣстную систему довольствія: денежное жалованье было выдаваемо въ противность иноземцу, только за дни дѣйствительнаго пребыванія въ полку; въ остальное время русскій офицеръ долженъ былъ довольствоваться доходами съ своего помѣстья. Оклады мѣсячнаго жалованья къ концу столѣтія были опредѣлены по слѣдующимъ «указнымъ статьямъ» [3]).

	Рейтар. полка. рубли.	Солдат. полка [4]). рубли.
Полковникъ	40	40
Подполковникъ	18	15
Маіоръ	16	14
Ротмистръ (капитанъ) . .	13	11—7
Поручикъ	8	8—5
Прапорщикъ	7	5—4—3

Сопоставляя эти оклады съ иноземческими (см. выше), видимъ, что въ общемъ они не были понижены, за исключеніемъ трехъ

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба Оп. 3, кн. 44.

[2]) Смотри таблицу состава иноземныхъ офицеровъ въ 1696 г.

[3]) Книга расходная 205 г. рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ (Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 3, кн. 41).

[4]) По размѣру жалованья рейтарскіе и солдатскіе полковники, подобно иностранцамъ, были «разныхъ статей».

низшихъ чиновъ солдатскаго строя. Оклады эти, однако, не выдавались въ полномъ размѣрѣ, ибо «за которыми полковники и начальными людьми есть его, великаго государя, жалованья помѣстья и вотчины, и у тѣхъ полковниковъ и у начальныхъ людей за крестьянскіе и за бобыльскіе, и за задворныхъ людей дворы вычитаютъ изъ кормовыхъ денегъ у всякаго мѣсяца, на сколько мѣсяцевъ кому дача будетъ», въ слѣдующемъ размѣрѣ [1]):

	Рейтар. полка.	Солдат. полка.
Полковникъ	11 алт. 4 деньги	11 алт. 4 деньги.
Подполковникъ . . .	8 » 2 »	8 » —
Маіоръ	8 » 2 »	7 » 2 »
Ротмистръ (капитанъ)	7 » 2 »	7 » 2 »
Поручикъ	6 » 4 »	6 » 4 »
Прапорщикъ	7 » 5 »	3 » 2 » [2]).

Послѣдствіемъ сохраненія въ полной неприкосновенности основаній помѣстнаго способа довольствія было, что лица, числившіяся въ офицерскихъ чинахъ, продолжали состоять на учетѣ Разряднаго приказа, который въ «десятняхъ» отмѣчалъ ихъ особою «статьею» [3]). Призывались офицеры на службу грамотами, не дѣлавшими различія между «начальными людьми» войскъ иноземнаго строя и прочими категоріями помѣстныхъ войскъ [4]). Словомъ, аналогія была полная, а отъ нея одинъ шагъ къ тому, чтобы начальный чинъ по старому не стѣснялся быть «въ нѣтяхъ», уклоняться отъ службы; тѣмъ болѣе, что служба весьма часто не покрывала расходовъ походной жизни, а жалованье выдавалось не всегда акуратно [5]).

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, кн. 44.

[2]) Приводимъ для примѣра изъ книги расходной 205 года образецъ записи о полученіи жалованья: «подполковникъ по 18 рублевъ въ мѣсяцъ, Василій Ивановъ сынъ Оголинъ; по сказкѣ его за нимъ крестьянъ три двора и ему за вычетомъ тѣхъ дворовъ на два мѣсяца тридцать четыре рубля 16 алтынъ 4 деньги». Росписка: «Великаго Государя жалованья 34 руб. съ полтиною, Василей Оголинъ взялъ, а въ его мѣсто росписался сынъ его Афонасій Оголинъ по его велѣнью.

[3]) Наказъ князю Одоевскому 1633 года: «а которымъ дѣтямъ боярскимъ, и новокрещеномъ, и мурзамъ, и татаромъ во 139 и 140 году государево денежное жалованье дано, а написаны въ рейтарскую и солдатскую службу, и тѣмъ государева денежнаго жалованья нынѣ съ города не давати, а въ десятнѣ денежныя раздачи писать тѣхъ себѣ статьею» (Акты археогр. экспед., III, № 236). Точно также въ разборной и денежной раздачи десятнѣ 1648 по г. Рязани встрѣчаемъ дворянъ, состоящихъ по десятнямъ на учетѣ Разряда и въ то же время числящихся въ конницѣ иноземнаго строя (В. Сторожевъ. Составъ Рязанскаго дворянства по десятнямъ, изд. 1891 г., стр. 5).

[4]) Разрядныя записи 1677 и 1688 гг. о мобилизаціи войскъ по случаю крымскихъ набѣговъ (Древн. Россійская Вивліофика, XVI, стр. 372—393). Порядокъ сбора «начальныхъ людей» см. также въ Кн. Разрядныхъ, II, столб. 1121.

[5]) Напримѣръ, въ расходной книгѣ 205 года встрѣчаемъ распоряженіе о выдачѣ жалованья офицерамъ—русскимъ за 204 годъ.

Съ другой стороны правительство, найдя въ помѣстьяхъ источникъ для содержанія русскихъ офицеровъ, должно было заботиться, чтобы помѣстье не пустѣло, не разорялось, а потому вынуждено было допустить періодическую смѣну офицеровъ въ полкахъ, несущихъ дѣйствительную службу [1]). Послѣдствіе этого — увеличеніе контингента офицеровъ, излишекъ ихъ, перепроизводство, созданіе такъ называемыхъ «заполошныхъ», не обременительныхъ съ финансовой стороны, отчасти полезныхъ при мобилизаціи многихъ полковъ, но крайне вредныхъ въ смыслѣ прочной подготовки начальственнаго состава арміи.

Такимъ образомъ, справедливая сама по себѣ, мысль уравнять условія матеріальнаго положенія русскаго и иноземца, пользуясь старою помѣстною системою, на практикѣ имѣла самыя неблагопріятныя послѣдствія. Въ представленіи «начальнаго человѣка» въ весьма осязательныхъ формахъ продолжало сохраняться прежнее понятіе о порядкѣ отбыванія военной службы. Для него измѣнено было только названіе чина, отчасти обязанности въ полку, но сущность, порядокъ и характеръ самой службы остались въ полной неприкосновенности. Новый чинъ капитана или ротмистра для него мало чѣмъ отличался отъ стараго сотника; это все та же временная строевая должность, съ которою онъ не имѣетъ никакого дѣла, находясь въ своемъ помѣстьи. Понятно, что по старому же новый чинъ въ представленіи его носителя не имѣлъ такого же почетнаго значенія, какъ придворный. Мы видѣли даже, что въ теченіе нѣкотораго времени до уничтоженія мѣстничества иные принимали его себѣ и своему роду «въ безчестье».

Въ окончательномъ итогѣ примѣненіе основаній помѣстной системы довольствія къ русскимъ офицерамъ имѣло послѣдствіемъ, что чинъ не имѣлъ цѣнности; а носитель его не могъ располагать соотвѣтствующею спеціально-военною подготовкою.

Къ этому присоединялась еще крайняя запутанность административнаго завѣдыванія русскими офицерами, бывшая отчасти послѣдствіемъ постепенности переформированія войскъ. Къ началу XVII вѣка стройная система центральнаго управленія всѣми вооруженными силами въ Разрядномъ приказѣ отчасти уже была разрушена учрежденіемъ Стрѣлецкаго приказа, который сталъ вѣ-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ солдатскомъ полку Юрья Буша послѣ трехъ лѣтъ службы офицеровъ подъ Азовомъ, правительство сочло справедливымъ отпустить ихъ по домамъ, выславъ предварительно въ полкъ новый составъ офицеровъ съ Москвы (Сказки офицеровъ 1717 г. въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, кн. 36, л. 26).

дать своихъ начальныхъ людей. Съ 1628 года къ нимъ присоединяются Иноземскій и Рейтарскій приказы, имѣющіе свой собственный кругъ обязанностей, а нѣсколько позже выступаютъ областные «приказы» и «разряды», которые по нѣкоторымъ отраслямъ военнаго управленія были снабжены автономными правами. Къ этому присоединяются частныя распоряженія, передающіе завѣдываніе войскъ изъ одного приказа въ другой [1]).

Вслѣдствіе такихъ послѣдовательныхъ наслоеній въ административномъ подчиненіи войскъ, а съ ними и русскихъ офицеровъ, создалась весьма сложная зависимость по прохожденію службы. Какъ помѣстный чинъ, офицеръ во всякомъ случаѣ былъ на учетѣ Разряда, но какъ начальный человѣкъ онъ могъ вѣдаться или въ Стрѣлецкомъ, или въ Иноземскомъ приказѣ. Эта двойная зависимость не исключала подчиненности въ третьей, такъ сказать, инстанціи какому нибудь приказу, напримѣръ, Казанскаго дворца. Создавалась путаница, весьма удобная для всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы, «отбывая Великаго Государя службы таить, въ какомъ чину они служатъ» [2]).

Ко времени уничтоженія мѣстничества и массового перечисленія чиновъ старыхъ, т. е. городовыхъ казаковъ, пушкарей, стрѣльцовъ и иныхъ въ иноземный строй, сложность командиаго подчиненія достигла крайнихъ предѣловъ. Въ 1680 году, рѣшено было съ этимъ дѣломъ разобраться. Изданъ былъ указъ, установившій нижеслѣдующій порядокъ служебнаго подчиненія [3]).

1) Казанцы помѣстные разныхъ наименованій	вѣдаются	въ Разрядѣ.
2) Низовыхъ гор. помѣст. » »	»	Прик. Казанскаго дворца.
3) Стрѣлецкіе полки Казанскаго разряда . . .	»	тамъ же.
4) Смоленскаго Разряда помѣстные	вѣдаются	въ Разрядѣ.
5) Тамбовскаго » »	»	» Разрядѣ.
6) Иноземскіе полки Казанскаго Разряда . . .	»	въ Иноземскомъ и Рейтарскомъ приказахъ.
7) » » Смоленскаго » . . .	»	
8) Всѣ категоріи войскъ Сѣверскаго Разряда. .	»	въ Разрядѣ.
9) » » » Новгородскаго Разряда	»	
10) » » » Бѣлгородскаго »	»	

---

[1]) Напримѣръ, въ 1665 году было отдано распоряженіе, чтобы Бѣлгородскаго, Сѣвскаго и Новгородскаго полковъ начальные люди всѣхъ категорій, кромѣ стрѣльцовъ, поступили въ вѣдѣніе Разряда; по этому распоряженію Иноземскій приказъ долженъ былъ выслать въ Разрядъ служилые списки, что, однако, не освобождало его отъ учета офицерскихъ службъ (Полн. Собр. Зак., I, № 370).

[2]) Именной указъ 16-го марта 1674 года.

[3]) Именной указъ 12-го ноября 1680 г. (Полн. Собр. Зак., II, № 844).

11) Московскіе выборные полки	вѣдаются	въ Иноземскомъ приказѣ [1]).
12) Островскіе, Старорусскіе и Самарскіе помѣстные и стрѣльцы	»	въ Разрядѣ.
13) Тѣхъ же городовъ иноземнаго строя	»	» Иноземскомъ приказѣ.
14) Московскіе стрѣльцы	»	въ Стрѣлецкомъ приказѣ.

Не перечисленные въ этомъ спискѣ помѣстные чины остались въ вѣдѣніи Разряднаго приказа, а иноземнаго строя — въ Иноземскомъ и Рейтарскомъ приказахъ [2]).

Приведенное распредѣленіе важно, какъ попытка установить служебную подчиненность войскъ разнымъ вѣдомствамъ. Въ практическомъ отношеніи дѣло отъ этого едва ли выиграло, такъ какъ всякая регистрація производства разрушалась о воеводскій произволъ. Самъ Иноземскій приказъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ 1680 году, не зналъ «изъ какихъ чиновъ капитаны и поручики и за какія службы въ тѣ чины пожалованы» [3]).

Выше была указана та исходная причина, которая заставила производство иноземцевъ сосредоточить въ Иноземскомъ приказѣ. Для русскихъ офицеровъ эта причина не имѣла значенія, ибо сколько бы ихъ ни было произведено, расходы отъ этого не мѣнялись: жалованье во всякомъ случаѣ выдавалось по числу тѣхъ чиновъ, которые были въ полкахъ на лицо. Это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ, что производство въ чины, за исключеніемъ полковничьихъ, было оставлено въ рукахъ воеводъ, которые до 1665 года не были стѣснены никакими правилами.. Въ 1665 году послѣдовала, какъ кажется, первая ограничительная мѣра, а именно 10-го февраля состоялся указъ, согласно котораго у воеводъ право производства было отнято; при открытіи въ полкахъ вакансій подполковниковъ и ниже, воеводамъ разрѣшалось назначать въ офицеры только «до государева указу», т. е. исправляющими должность, до-

---

[1]) До 1680 г. они вѣдались въ Стрѣлецкомъ приказѣ (Кн. Разрядныя, II, столб. 1158).

[2]) Мы коснулись именного указа 12-го ноября 1680 года съ узкой точки зрѣнія офицерскаго вопроса. Значеніе указа, на который, насколько намъ извѣстно, не было обращено особаго вниманія, этимъ не исчерпывается. Въ исторіи вооруженныхъ силъ Россіи онъ знаменуетъ собою *начало уничтоженія стрѣльцовъ* и части помѣстныхъ войскъ. Распоряженіемъ 12-го ноября повелѣно всѣхъ стрѣльцовъ (кромѣ казанскихъ и московскихъ), городовыхъ казаковъ и дѣтей боярскихъ переписать въ солдатскую и рейтарскую службу. Этимъ путемъ положено начало той мѣрѣ, которая была доведена до конца при Петрѣ Великомъ.

[3]) Арх. Гл. Штаба, по реестру, II, дѣло № 53.

нося объ этомъ въ Разрядъ, который, въ свою очередь, долженъ былъ писать въ Иноземскій приказъ [1]). Въ 1672 году ограничительныя мѣры были еще болѣе усилены; за воеводами сохранено было право временнаго назначенія только въ оберъ-офицерскіе ранги и не иначе, какъ изъ чину въ чинъ; въ маіоры и выше назначенія производились по распоряженію приказовъ [2]).

Казалось бы, что съ изданіемъ этихъ законовъ воеводскій произволъ долженъ былъ быть въ значительной мѣрѣ стѣсненъ. Въ дѣйствительности этого не произошло, такъ какъ на верху не было лицъ, которые могли бы прокоптролировать степень правильности воеводскихъ назначеній; все дѣло поневолѣ ограничивалось бумажными отписками и канцелярскою отчетностью.

Въ настоящее время было бы нѣсколько рискованнымъ утверждать, что воеводы и дьяки распространяли освященный временемъ обычай «поминковъ» и «кормленія» также и въ сферу своей привилегіи назначать помѣстныхъ людей въ офицерскія должности. Дошедшій до насъ архивный матеріалъ не настолько разработанъ, чтобы можно было съ документами въ рукахъ [3]) утверждать или отрицать факты лихоимства при производствахъ, но что злоупотребленія были—это несомнѣнно. Не беря на себя труда перечислить хотя бы большую часть уклоненій, отъ правильныхъ основаній производства, приведемъ лишь нѣкоторые случаи, которые въ примѣрахъ илюстрируютъ общую тенденцію воеводскихъ и дьячьихъ «разсмотрѣній» въ интересующемъ насъ вопросѣ:

1) Въ офицеры иногда производились за такіе подвиги, которые не могли свидѣтельствовать о пригодности даннаго лица къ исполненію офицерскихъ обязанностей [4]).

2) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ производству не было никакого иного основанія, кромѣ челобитья заинтересованнаго лица [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., I, № 370.

[2]) Тамъ же, I, № 529.

[3]) Майербергъ («Путешествіе въ Московію въ 1661 г.», изд. 1874 г., стр. 92) дастъ воеводамъ такое опредѣленіе: «недовольствуясь стрижкою народнаго стада, имъ ввѣреннаго, они не боятся сдирать съ него и шкуру въ той увѣренности, что жалобы его имѣютъ такой сиплый голосъ, что не дойти ему до царскаго слуха».

[4]) Такъ, въ докладной разрядной выпискѣ 186 г. («Древн. россійская вивліофика», XVII, стр. 329) читаемъ, что «воръ» Андрюшка Калугинъ былъ произведенъ въ прапорщики «за взятый языкъ».

[5]) Челобитье маіора Кульпева (Арх. Гл. Шт., реестръ II, д. № 57). Особенно характерный случай представляетъ челобитье 193 г. Александра Росформа, согласно котораго онъ былъ произведенъ изъ недорослей въ «заполошные» пра-

3) Несмотря на существованіе спеціальнаго указа, іерархическая послѣдовательность производства изъ чина въ чинъ соблюдается не всегда. Даже въ послѣдніе годы XVII вѣка встрѣчаемся со случаями производства изъ капитановъ прямо въ полковники, изъ прапорщиковъ въ капитаны [1]).

4) Кромѣ воеводъ и соотвѣтствующихъ приказовъ, право производить въ офицеры присваивали и другія лица, какъ, напримѣръ, думный дьякъ Автамонъ Ивановъ, генералы Шепелевъ, Змеевъ и другіе [2]).

5) Необходимость для лица, предназначаемаго къ офицерскому званію, начинать службу съ прапорщика, повидимому, не для всѣхъ была ясна, а потому встрѣчались случаи производства изъ недорослей прямо въ высшіе чины, напримѣръ, въ капитанскіе [3]).

6) Подъ вліяніемъ преклоненія предъ придворными чинами въ систему чинопроизводства вводится неправильная мысль, что званіе стольника, или стряпчаго, должно быть обязательно поощрено соотвѣтствующимъ военнымъ повышеніемъ, минуя промежуточныя инстанціи; поэтому стряпчіе иногда производятся прямо въ подполковники [4]), стольники—въ ротмистры [5]), жильцы—въ поручики [6]) и т. п. Какъ крайнее выраженіе смѣшенія понятій, служитъ случай производства дворцоваго служителя (подключника) въ стрѣлецкіе капитаны [7]).

7) Неопредѣленность представленій о кругѣ офицерскихъ обязанностей и участіе въ рѣшеніи вопросовъ чинопроизводства мало свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ дьяковъ имѣла послѣдствіемъ отсутствіе точно разграниченной линіи пропзводства по отдѣльнымъ родамъ оружія. Поэтому офицеръ, несшій службу въ пѣхотѣ при повыше-

---

порщики исключительно «за службы отца его» (Книга пріѣзжая 1717 г. въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 3, кн. 36, л. 10).

[1]) Въ 206 г. стрѣлецкій капитанъ Дмитрія Жукова полка произведенъ въ полковники (Опись 3, кн. 30, л. 88); въ 207 г. адъютантъ Петръ Кроковскій произведенъ въ капитаны-поручики (Опись 3, кн. 27, л. безъ №), Федоръ Силичевъ изъ прапорщиковъ въ капитаны (Опись 3, кн. 48, л. 48).

[2]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3, св. 48, л. 46; кн. 27, л. 35.

[3]) Въ 186 г. Иванъ Крупенинъ (Опись 3, кн. 36, л. 40), въ 203 г. Иванъ Ярыжкинъ (Оп. 3, св. 48, л. 32) и въ 207 г. Михайла Артемьевъ (Оп. 3, св. 48, л. 24) всѣ трое были произведены изъ недорослей прямо въ капитаны.

[4]) Въ 202 г. Гаврила Репьевъ (Оп. 3, св. 48, л. 46), въ 203 г. Яковъ Постельниковъ (Оп. 3, св. 4, д. № 5—1, л. 219).

[5]) Въ 204 г. Яковъ Мартыновъ (Оп. 3, св. 48, л. 55).

[6]) Въ 190 г. Данило Левашовъ (Оп. 3, кн. 27, л. 35).

[7]) Въ 193 г. Дмитрій Титовъ (Оп. 3, св. 48, л. 125).

ніи въ слѣдующій чинъ, переводился въ конницу и обратно [1]). Тѣ же отступленія замѣчаются и при очередныхъ нарядахъ Иноземскаго приказа офицеровъ въ собранные на службу полки [2]).

Перечисленные выше отступленія отъ какой бы то ни было системы, въ связи съ воеводскими «разсмотрѣніями» и сложностью учета офицерскихъ службъ не менѣе какъ въ двухъ приказахъ, при слабости контроля, не могли не приводить къ разнымъ злоупотребленіямъ, въ томъ числѣ и къ «утайкѣ чиновъ» тѣми офицерами, которые считали это для себя выгоднымъ. Чтобы хотя отчасти разобраться въ общемъ составѣ офицеровъ, въ ихъ чинахъ, времени производства и службѣ, періодически были собираемы соотвѣтствующія свѣдѣнія, которыя заносились въ такъ называемыя «разборныя книги» [3]). Книги эти едва ли много помогали, ибо жизнь текла, а вмѣстѣ съ нею и въ офицерскій составъ вливались новые элементы путями, не всегда удовлетворительными по нынѣшнимъ понятіямъ.

VII.

Изложивъ въ небольшой статьѣ обзоръ положенія офицерскаго вопроса въ вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ теченіе XVII столѣтія, мы считаемъ нашу тему далеко неисчерпанною. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе детальное изученіе источниковъ, особенно архивныхъ [4]), дополнитъ приведенныя данныя новыми фактами, которые измѣнятъ наши наблюденія и характеристики. Во всякомъ случаѣ, главные этапы въ движеніи вопроса настолько намѣчены, что, не рискуя слишкомъ уклониться въ сторону отъ исторической истины, возможно уже и теперь намѣтить кое-какія общія заключенія, а именно:

1) Выше, въ видѣ исходнаго положенія, было сказано, что XVII вѣкъ далеко не былъ вѣкомъ неподвижности въ военномъ дѣлѣ.

---

[1]) Ѳедоръ Буларть, произведенный въ 183 году въ прапорщики по конницѣ, по достиженіи чина ротмистра, въ 203 году производится изъ рейтаръ въ маіоры въ Шарфовъ пѣх. п. (Оп. 3, св. 4, № 5—11, л. 34). Наоборотъ, Ив. Крупенинъ, произведенный въ 186 г. въ стрѣлецкіе капитаны, въ 203 году производится въ поручики (?) къ рейтарамъ (Оп. 3, кн. 36, л. 40).

[2]) Книга расходная 205 года. Назначеннымъ по этой книгѣ въ солдатскіе полки рейтарскимъ офицерамъ были сохранены повышенные оклады содержанія.

[3]) Непосредственно предъ реформою Петра Великаго такія книги, какъ, кажется, были составлены въ послѣдній разъ въ 1687 году (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1859 г., кн. II. Грамоты на Корогу № 196).

[4]) Преимущественно хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Изученіе офицерскаго вопроса въ полной мѣрѣ подтверждаетъ эту истину. Мы видѣли, какъ вопросъ постепенно видоизмѣнялся въ практическихъ своихъ проявленіяхъ и какъ, въ окончательномъ итогѣ, завершился полнымъ торжествомъ иноземческой іерархіи надъ старо-русскою. Это была большая побѣда; не слѣдуетъ лишь забывать воспитаннаго, не безъ вліянія духовенства, недовѣрія ко всему иноземному, переходившаго въ презрѣніе, а, отчасти, въ ненависть. Въ ту минуту, когда «сотникъ» сотничьей «сотни» сталъ «ротмистромъ» стольничьей «роты», произошла такая же эволюція въ военныхъ отношеніяхъ, какая позже произведена была Петромъ Великимъ въ общественныхъ нравахъ. Иносказательно выражаясь, смѣна чиновъ была равносильною (разумѣется въ болѣе узкомъ смыслѣ) петровскимъ обрѣзываніямъ фалдъ и бритью бороды, но произведеннымъ безъ всякихъ суровыхъ мѣръ, исключительно путемъ постепеннаго перевоспитыванія взглядовъ современнаго общества на военное дѣло и на военную необходимость. Этотъ успѣхъ XVII вѣка въ области офицерскаго вопроса, разумѣется, значительно облегчалъ реформаторскую дѣятельность Петра I.

2) Другая заслуга предшественниковъ царя—уничтоженіе мѣстничества. Громадное историческое значеніе этого акта давно установлено и не вызываетъ никакого разнорѣчія во взглядахъ. Собственно въ области офицерскаго вопроса, соборное дѣяніе 1682 года было только заключительнымъ словомъ въ дѣлѣ, которое было ранѣе подготовлено и даже почти доведено до конца. Поэтому, не останавливаясь на мѣстничествѣ, мы подчеркнемъ лишь одну особенность, связанную съ его уничтоженіемъ, а именно, фактъ назначенія на офицерскія должности такихъ, по современнымъ представленіямъ, неродословныхъ людей, какими являлись пришлые иноземцы, подъ команду которыхъ попала эсенція земли русской, помѣстные чины. Фактъ этотъ долженъ былъ имѣть громадное общественное значеніе: онъ поставилъ знаніе, хотя бы и фиктивное, выше породы; онъ демократизировалъ верхи арміи, пріучилъ эту армію къ мысли, что офицеромъ можетъ быть «всякій», лишь бы онъ удовлетворялъ соотвующимъ военнымъ требованіямъ. Въ неясныхъ, недосказанныхъ пока словахъ выдвигается новое начало—начало равенство всѣхъ въ минуту поступленія на службу, несправедливости какихъ бы то ни было кастовыхъ дѣленій по происхожденію на лицъ, достойныхъ быть офицерами, и на такихъ, которые этого званія никогда не могутъ достигнуть.

Великій Царь, чутко относившійся ко всему жизненному, ко

всему придающему арміи единство и прочность, широко воспользовался этимъ наслѣдіемъ XVII вѣка. При немъ въ офицеры производятся не одни лишь дворяне, но и «простые» [1]). Создалась, слѣдовательно, чисто русская военная традиція, не требующая, чтобы при фамиліи лица, производимаго въ офицеры, была приставка «von». Традиція эта, составляющая одинъ изъ устоевъ внутренней прочности русской арміи, не дѣлящейся на бѣлую и черную кость, установилась окончательно при Петрѣ, но зародышъ ея положенъ дѣятелями XVII вѣка.

3) Допустивъ иноземцевъ на офицерскія должности, правительство Московскаго государства, по финансовымъ соображеніямъ, надѣляетъ часть изъ нихъ помѣстьями и, такимъ образомъ, проводитъ на практикѣ мысль, что офицерскій чинъ открываетъ доступъ въ высшій классъ населенія—помѣстное дворянство. Въ формѣ закона, какъ извѣстно, эта мысль въ нѣсколько измѣненномъ и расширенномъ видѣ, была изложена при Петрѣ.

4) Но, зачисляя иноземцевъ въ «помѣстные», правительство требовало, чтобы этотъ дворянинъ былъ «новокрещеномъ», т. е. вполнѣ слился съ новымъ своимъ отечествомъ. Этимъ путемъ мы ограждали себя отъ заселенія иноземцевъ, соединенныхъ съ государствомъ недостаточно прочною связью. Тотъ же принципъ соблюдался при Петрѣ и былъ разрушенъ только въ эпоху господства нѣмецкой партіи, съ Минихомъ во главѣ.

5) По мѣрѣ увеличенія количества иноземныхъ офицеровъ, все болѣе и болѣе увеличивается група «чиновниковъ», общественное положеніе которыхъ опредѣлялось носимымъ ими военнымъ чиномъ. Паралельно съ придворными званіями нарождалась, слѣдовательно, другая спеціально военная аристократія. Между ними устанавливалась кое-какая связь. Офицеръ изъ иноземцевъ—новокрещеновъ, въ силу носимаго имъ военнаго чина, пріобрѣтаетъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на придворное званіе, напримѣръ, «стольника» [2]). Въ общемъ, каждая іерархія дѣйствуетъ отдѣльно; предпочтеніе той или другой нужно будетъ отдать въ будущемъ, а пока господствуетъ придворный чинъ, но борьба неизбѣжна. Она настала при Петрѣ и завершилась торжествомъ военнаго чина.

Въ общемъ итогѣ положительная сторона XVII вѣка заключа-

---

[1]) См. Указъ 1-го января 1719 г. (Сб. Воен. Истор. Матер., V, стр. 237).

[2]) Въ званіяхъ стольниковъ въ концѣ столѣтія встрѣчаемъ новокрещеновъ: полк. Минстермана, Збировскаго, Траурнихта, Лесли и Дедюша; подполк. Миклашевскаго и Корша; капит. фонъ-Годанова (Оп. 3, кн. 44).

лась въ рѣшительномъ измѣненіи взглядовъ на мѣсто офицерскаго чина въ области сословныхъ соотношеній современнаго общества. Эти измѣненія создали тѣ устои, на которыхъ при Петрѣ было окончательно сооружено новое зданіе военной іерархіи.

Что касается административныхъ распорядковъ по замѣщенію офицерскихъ вакансій, то таковые были весьма далеки отъ идеала и въ общемъ сопровождались отрицательными результатами, а именно:

1) Стремленіе дать перевѣсъ знанію надъ породою, приведшее къ наплыву иноземцевъ, отодвинуло назадъ краеугольный камень старо-русской системы — нравственное соотвѣтствіе «начальнаго человѣка» занимаемой имъ должности.

2) Отсутствіе лицъ, компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ, которые могли бы направлять и контролировать подготовку войскъ, обращало требованія военныхъ знаній отъ офицера въ фикцію и тѣмъ болѣе, что кругъ знаній не былъ точно опредѣленъ, а условія службы, въ формѣ временныхъ сборовъ, не содѣйствали успѣшности обученія.

3) Приспособленіе новой іерархіи къ помѣстной системѣ довольствія также не оставалось безъ вліянія на пониженіе уровня военныхъ знаній; сверхъ того, помѣстная система какъ бы узаконяла за офицерскимъ чиномъ значеніе временной должности со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

4) Порядокъ чинопроизводства не наладился; допускались такія отступленія, которыя граничили съ полнымъ произволомъ.

5) Все дѣлопроизводство сосредоточено было въ рукахъ дьяковъ, не свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ и нерѣдко склонныхъ къ злоупотребленіямъ.

Совокупность этихъ отрицательныхъ сторонъ имѣла послѣдствіемъ, что многочисленный офицерскій составъ едва ли соотвѣтствовалъ своему назначенію. Въ этомъ—объясненіе, почему, именно, начавъ преобразованіе вооруженныхъ силъ, Петръ Великій вынужденъ былъ отнестись къ наличному контингенту офицеровъ недовѣрчиво и обратиться къ инымъ источникамъ для замѣщенія офицерскихъ должностей въ новыхъ «регулярныхъ» полкахъ.

Единственное достоинство до-петровскаго чинопроизводства заключалось въ томъ, что дьяки тогдашняго Главнаго Штаба (разряда) избѣгли односторонняго увлеченія въ сторону разцѣнки военныхъ, нравственныхъ и физическихъ достоинствъ офицера письменными свидѣтельствами (аттестаціями) и не вложили въ этотъ жизненный для арміи вопросъ начало канцелярскаго формализма, рутины и шаблона.